

М. И. ШАПИР

ГЕКСАМЕТР И ПЕНТАМЕТР В ПОЭЗИИ КАТЕНИНА (О формально-семантической деривации стихотворных размеров)¹

0. Среди дериватов русского гексаметра, перечисленных в монографическом исследовании М. Л. Гаспарова (1990), отсутствует, на мой взгляд, едва ли не самый интересный размер — тот, которым написана «быль» Катенина «Инвалид Горев». Оригинальный стих этой поэмы должен быть признан дериватом гексаметра в строгом смысле слова: он наиболее близок к размеру-источнику по своим формальным признакам и, как будет показано ниже, непосредственно от него образован.

М. Л. Гаспаров (1990, 330—331) указывает пять основных параметров гексаметра: это размер 6-стопный, или точнее 6-иктный (1), с переменным междуиктовым интервалом, обычно двусложным (дактилическим), но допускающий и односложные (хореические) промежутки (2), с нулевой анакрусой (3), со сплошными женскими окончаниями (4) и, наконец, без рифмы (5). К пяти вышеперечисленным признакам можно добавить шестой: последний междуиктовый интервал в каждом стихе — двусложный: непременно конечному хорею предшествует непременно дактиль (6)². Стих «Инвалида Горева» обладает пятью признаками из шести: он также лишен рифмы, имеет женское окончание и нулевую анакрусу³, четыре первых интервала между иктами составляют один-два слога, пятый интервал постоянный и равен двум слогам⁴. Несходство с гексаметром заключается только в количестве иктов: в «Гореве» их на один меньше⁵. У этого размера до сих пор еще нет названия⁶. По аналогии с гексаметром он мог бы быть назван пентаметром (ср. Brown 1986, 330; Панов, Песков 1992, 505), если бы этот термин не был уже закреплен за четными стихами элегического дистиха, у которых прав на такое название, впрочем, куда меньше: пентаметры тонико-силлабического дистиха, так же как и гексаметры, имеют по шесть стоп. Поэтому размер «Инвалида Горева» в дальнейшем будет все-таки именоваться дактило-хореическим пентаметром, но свободным, или, лучше сказать, несвязанным — в отличие от его тезки, встречающегося лишь в составе «Герозелегических двустий» (Тредиаковский 1752, I: 120—121; ср. Лотман 1976, 41).

Несвязанный дактило-хореический пентаметр выступает в чистом виде только у Катенина, и всего четыре раза: в полиметрической композиции «Ахилл и Омир» (1826; 8 стихов), в «Элегии» (1828; 230 стихов), в «Гнезде голубки» (1835; 110 стихов) и в «Инвалиде Гореве» (1835; 613 стихов) — в совокупности немногим менее тысячи строк. Эта метрическая форма была изобретена Катениным; она не имеет аналогов ни в античной, ни в западноевропейской литературе, и потому нет ничего странного в том, что по ритмическим характеристикам (см. табл. 1 и 2) она тяготеет именно к катенинскому гексаметру, занимающему в истории своего размера совершенно особое место. Чтобы определить его точнее, было выполнено обследование ритмики гексаметров XVIII — начала XIX в.: свыше 30000 стихов из 77 произведений⁷; отбирались преимущественно написанные до того, как Катенин впервые попробовал себя в этом размере. Около половины материала привлечено к изучению впервые (см. табл. 3 и 4⁸), что позволило существенно уточнить и дополнить результаты, полученные предшественниками (ср. Пономарев 1886, 8—37; Бонди 1978, 327—329; Burgi 1954; Вишневский 1972, 145, 217—219, 258; Гаспаров 1975, 374—377, 380—382; 1984, 70—71, 125—126, 141, 163—164; и др.).

1.1. Одна из важнейших ритмических характеристик русского гексаметра — это удельный вес односложных и двусложных интервалов (ср. Илюшин 1988, 57). Теоретически вероятность тех и других $\frac{1}{2}$: сплошные двусложные промежутки превратят гексаметр в дактиль, сплошные односложные — в хорей (а точнее в логаэд, поскольку последний промежуток всё равно должен иметь два слога⁹). Однако в действительности двусложные интервалы даже между первыми пятью иктами появляются в русском гексаметре много чаще, чем односложные: их доля — от 50 до 100%. Увеличение количества дактилей силлаботонизирует стих и ведет к его ритмическому однообразию; наоборот, рост числа хореов способствует разнообразию ритма и подчеркивает его тоническую природу.

Реже всего, в 50,0% случаев, дактилические промежутки встречаются в 5 строках первого русского гексаметра, образец которого дал Ломоносов в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739; Бонди 1978, 315—317; ср. Burgi 1954, 33—40; Лотман 1976, 44), — ни разу с тех пор этот показатель так низко не опускался. Напротив, доля хореических интервалов бывала исчезающе мала. Минимум падает на «Одиссею» Жуковского — 99,7% дактилей; приблизительно

столько же — в стихотворениях Ф. Глинки («Бедность и Труд» — 98,8%, «Совет Юноше» — 98,7%, «Суд Божий» — 97,2%; см. Глинка 1817; 1818а; 1820), в «Буре» В. Бриммера (98,1%; см. Бриммер 1818) и в «Эклоге первой» Вергилия, переведенной Я. Галинковским (98,3%; см. Галинковский 1813). Несколько выше процент хореев в Гнедичевой «Илиаде»: в разных выборках количество двусложных интервалов колеблется в узких пределах — 95,5—95,8% (в ранней редакции — 91,4%¹⁰; в среднем по произведениям Гнедича — 93,8%). Еще меньше дактилей в «Аббадоне» Жуковского (93,9%), в его же «Отрывках из „Илиады“» (93,5%), в «Море и земле» К. Масальского (92,3%; см. Масальский 1825), в идиллии Дельвига «Конец золотого века» (90,8%) и в поэме Д. Шелехова «Раскаяние» (90,5%; см. Шелехов 1818). Вообще в большинстве гексаметров того времени, и в том числе в двух классических переводах Гомера, дактилические стопы составляют не менее 90% (и это не учитывая постоянных дактилей на V стопе) — не удивительно, что русский читатель нередко отождествлял гексаметр с 6-стопным дактилем. Но в XVIII в. столь низкое содержание хореев в гексаметрических стихах было редкостью: исключением является крошечный перевод М. Муравьева «Из Генриады» («Тамъ межъ двухъ камней гдѣ съ рѣвомъ кипящее въ ярости море...»¹¹) и «Титир» В. Рубана (93,8% и 93,3% дактилей соответственно; см. Рубан 1793).

Немногим чаще в XVIII в. появлялись произведения, в которых дактили занимают от 80 до 90% первых четырех стоп гексаметра: это «Роща» Муравьева (83,3%), его перевод из «Илиады» (80,0%) и сумароковский «Перевод из Тилимаха Фенелонова» (также 80,0%; см. Сумароков 1781, 311—312). Среди текстов первой четверти XIX в. близкие показатели имеют фрагменты из «Энеиды» Шелехова (89,8%; см. Шелехов 1820а; 1820б), 6 строк Радищева из «Песен ... в честь древним славянским божествам» (87,5%), большая часть гексаметров Дельвига (в среднем — 87,6%), «Овсяный кисель» и «Разрушение Трои» Жуковского (по 87,2%), его «<Протокол ... арзамасского заседания>» (81,3%), «Соложеное тесто» О. Сомова (85,9%), отрывки из «Одиссеи» в переводах Крылова (85,2%) и Масальского (80,9%; см. Масальский 1831), «Отрывок из Клейстовой Весны» в переводе И. Покровского (84,8%; см. Покровский 1820), «Луиза» Фосса в переводе П. Теряева (84,6%; см. Теряев 1820); «Гимн Земле» и «Гимн Бакхусу» Кюхельбекера (82,5% и 80,3%), «Гроза» Ф. Глинки (82,0%; см. Глинка 1821), «Отрывок из Илиады» Пе-

тровского (89,2%; см. Петровский 1821). Следующую группу образуют произведения, в которых дактили занимают от 70 до 80% стоп. В XVIII в. таким стихом пробовал писать один Муравьев [переводы из I эклоги Вергилия (75,0%), из поэмы Виланда «Искушение Авраамово» (72,9%) и из «Мессиады» Клопштока (72,2%)¹²]; в XIX в. им были написаны перевод Д. Попова из Мосха (79,9%; см. Попов 1814), целый ряд стихотворений Кюхельбекера (в среднем — 78,9%), «Цефиз» Дельвига (78,6%), перевод Мерзлякова из «Илиады» (78,3%), перевод Савостьянова из «Мессиады» (77,4%; см. Савостьянов 1821), почти все гексаметры Воейкова (в среднем — 76,5%; см. Воейков 1816/1817а; 1817б; 1821б¹³), «Красный карбункул» Жуковского (76,3%), «<Песни Аонид>» Капниста (75,0%), «Речь Синона» И. Ветринского (72,0%; см. Ветринский 1821), а также фрагменты ранней и поздней редакции катенинского «Мстислава Мстиславича» (79,2% и 70,8%).

Гексаметры, в которых менее 70% дактилей, встречаются у восьми поэтов. У Ломоносова, Муравьева и В. Перевощикова они носят сугубо экспериментальный характер: у первого это разрозненные строки, не образующие связного текста; у второго — 7 стихов «Из Вергилия, Георгики книги III» (53,6% дактилей)¹⁴; у третьего — два небольших фрагмента (3 и 14 строк), включенные в прозаический текст (55,9% дактилей; см. Перевощиков 1815, 18, 29—30). У Воейкова перевод III эклоги Вергилия примыкает к предыдущему ритмическому типу (68,5%; см. Воейков 1821а). У Третьяковского доля дактилей колеблется от 64,4% до 69,5% (в среднем — 65,7%)¹⁵, у Востокова — от 57,1% до 66,1% (в среднем — 60,7%)¹⁶, у Катенина, за вычетом «Мстислава Мстиславича», — от 59,2% до 65,6% (в среднем — 63,1%), у Ветринского в I песни «Энеиды» — 51,6% (этот перевод примечателен тем, что в нем достигнут максимум содержания хореев). Таким образом, не выдерживает проверки положение о том, что из поэтов начала XIX в. «только Востоков сохраняет тот высокий уровень хорейности, какой был у Третьяковского; у остальных авторов он заметно понижается» (Гаспаров 1975, 377). Не только у Востокова, но и у Катенина и тем более у Ветринского дактилей меньше, чем у Третьяковского: в отдельных произведениях их доля опускается ниже 60% [а на III или IV стопе она может быть даже меньше половины: в «Мессиаде» Востокова — 48,3% (III), в его гимне «К дщерям Премудрости» — 46,7% (III), в идиллии Катенина «Дура» — 43,3% (III), в «Энеиде» Ветринского — 40,1% (IV)]; у других поэ-

тов такого не случилось¹⁷]. Следует отказаться от представления о ритмической эволюции размера как о его последовательной дактилизации (Бонди 1978, 328; Гаспаров 1975, 377, 380): в течение первых ста лет истории русского гексаметра тенденции к однообразию и разнообразию его ритма легко уживались друг с другом. Один из пиков второй тенденции — дактило-хореические стихи Катенина¹⁸.

1.2. Как указывал еще Гнедич, «измѣненія въ Рускомъ — какъ и въ Греческомъ Экзаметръ простираются до 16; а съ измѣненіемъ и пятой стопы на Хорея, они гораздо болѣе умножатся» (Гнедич 1813а, 71; Остолопов 1821, 306—308). Очевидно, Гнедич имел в виду следующие 16 форм:

I	xuuxuuxuuxuuxu
II	xu xuuxuuxuuxu
III	xuuxu xuuxuuxu
IV	xuuxuuxu xuuxu
V	xuuxuuxuuxu xu
VI	xu xu xuuxuuxu
VII	xu xuuxu xuuxu
VIII	xu xuuxuuxu xu
IX	xuuxu xu xuuxu
X	xuuxu xuuxu xu
XI	xuuxuuxu xu xu
XII	xu xu xu xuuxu
XIII	xu xu xuuxu xu
XIV	xu xuuxu xu xu
XV	xuuxu xu xu xu
XVI	xu xu xu xu xu

Прочие вариации гексаметра (с односложной анакрусой, с пятью, семью или даже восемью иктами, с нулевым или трехсложным междуиктовым интервалом и т. д.), по сути, нарушают размер. Ни одного такого стиха у Катенина найти нельзя: его гексаметры, несомненно, были самыми правильными. Это отличало его от остальных поэтов, и в особенности от Востокова и Воейкова: у первого в «Мессиаде» аномальных стихов — 4,1%, в «Георгиках» — 2,6%, у второго в «Георгиках» — 4,1%, в «Енеиде» — 4,2%, в «Послании к С. С. Уварову» — 3,0%, в III эклоге Вергилия — 5,4%, в V эклоге — 10,0%; у других неправильные стихи тоже встречаются, хотя и в меньшем количестве. На общем фоне выделяются арзамасские прото-

колы Жуковского: обилие аномальных стихов (12,2%) является в них приметой жанра.

Гнедич считал, что «польза и красота» ритмических «измѣненій» гексаметра «очевидны; однакожъ употребленіе безъ нужды и пользы никогда не составитъ красоты» (Гнедич 1813а, 71). Сам он испытывал нужду в них довольно редко, за что подвергался критике (Востоков 1817, 39—40 примеч., 60; Гнедич 1818а, № 11: 200—221; N. N. 1820, 236—237; Бонди 1978, 324—325 примеч. 3, 326—327): в 15690 стихах «Илиады» использованы 14 видов гексаметра; в 12110 стихах «Одиссеи» Жуковского и того меньше — только 8 (Пономарев 1886, 36). Все 16 форм сразу встречаются лишь в восьми произведениях пяти поэтов: в «Стихах Сотерических» и «Тилемахиде» Третьяковского, в «Мессиаде» Востокова, в «Георгиках» и «Енеиде» Воейкова, в I песни «Энеиды» Ветринского, а также в «Ахилле и Омире» и в «Идиллии» Катенина, который и тут оказался одним из первых — например, в его 30-строчном стихотворении «Дура» столько же ритмических форм, сколько во всей «Илиаде», но если у Катенина 14-я форма появляется уже на 28-м стихе, то у Гнедича — на 11898-м.

«Гнѣ Гнѣдичъ, въ письмѣ своемъ къ С. С. Уварову изчисляя виды или измѣненія экзаметра, полагаетъ главнымъ размѣромъ 5 дактилей и 1 хорей <...> приличіе, — возражал ему Востоков, — постановить главнымъ размѣромъ 5 хореевъ при 1мъ дактилѣ» (1817, 60). De facto прав был Гнедич: XVI форма гексаметра — в действительности самая редкая. Ее можно отыскать лишь в 17 произведениях из 77, в том числе в «Георгиках» Востокова (стих 102-й) и в «Красном карбункуле» Жуковского (стих 55-й)¹⁹. У Катенина гексаметры с четырьмя первыми хореем наблюдаются в трех стихотворениях — их удельный вес у него выше, чем у Третьяковского, но несколько ниже, чем у Востокова. Самой частой ритмической формой была в русском гексаметре I, совпадающая с 6-стопным дактилем: она присутствует в 73 произведениях, а самое длинное стихотворение, где ее нет (перевод Муравьева из «Георгик»), насчитывает 7 строк. В 58 произведениях I форма лидирует, причем в 9 из них занимает свыше 75%: от 76,3% в «Отрывках из „Илиады“» до 98,6% в «Одиссее» Жуковского; в промежуток попадают «Аббадона», перевод Галинковского, «Илиада» 1829—1832 гг., «Буря» Бриммера и три стихотворения Глинки. Все это писалось уже в XIX в., когда получил распространение «чистый» 6-стопный дактиль, — в XVIII в. лишь отрывок из муравьевского перевода «Генриады» заключал в себе 75,0% строк I формы.

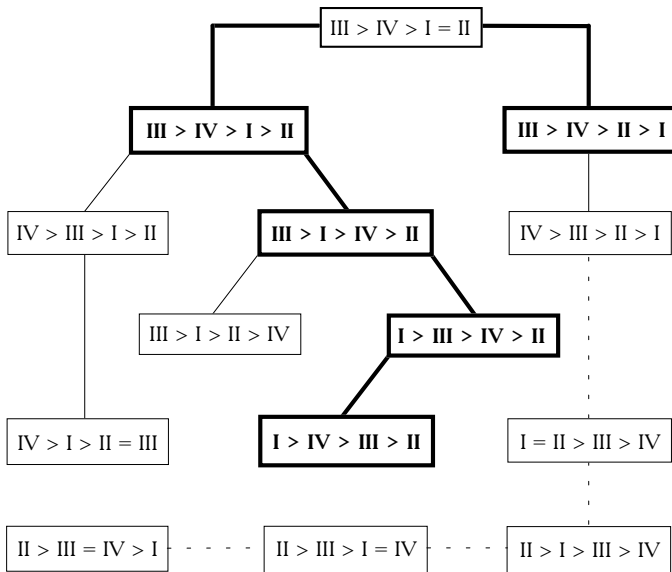
В 15 произведениях, также написанных по преимуществу в XIX в., доля I формы — от 50 до 75%. Сюда относятся стихи Радищева (50,0%), большая часть гексаметров Дельвига (50,0—66,7%), «Гроза» Глинки (51,9%), «Соложеное тесто» Сомова (52,5%), «Овсяный кисель» (58,2%) и «Разрушение Трои» (59,7%), переводы Крылова из «Одиссеи» (59,3%), Петровского из «Илиады» (62,7%), Масальского из Мосха (69,2%), Шелехова из «Энеиды» (62,7%), его же «Раскаяние» (66,2%), «Титир» Рубана (72,6%), «Тантал» и «Сиракузянки» Гнедича (73,7% и 74,7%). Отдельно стоит сказать об «Илиаде», в раннем варианте которой дактилические строки занимают чуть меньше 70%, а в позднем — более 84%. Редактируя, Гнедич последовательно устранял IV и V формы, заменяя их на I: в итоге число гексаметров с хореем на III стопе уменьшилось в четыре раза с лишним, а на IV стопе — почти вдвое. По отдельным фрагментам цифры еще красноречивее: так, среди стихов III песни, напечатанных в 1818 г., было 155 строк I формы (53,4%), а в конечной редакции таких строк стало уже 245 (84,5%). Одновременно сократилась доля хорейзированных форм, особенно IV (с 17,9% до 2,8%) и VII (с 4,8% до нуля; см. табл. 5).

Самую многочисленную группу составляют 25 произведений, в которых удельный вес I формы — от 25 до 50%. Таковы все гексаметры Сумарокова (40,0%), Попова (36,2%), Капниста (28,6%), Кюхельбекера (26,2—45,0%), Покровского (46,0%) и Терьева (49,8%), «Роща» и начало «Илиады» у Муравьева (47,8% и 40,0%), «Георгики» (31,6%), «Энеида» (31,4%) и «Послание» у Воейкова (38,1%), «Красный карбункул» и арзамасский протокол Жуковского (33,5% и 35,6%), «Речь Синона» Ветринского (28,6%), «Клятва Мессии» Савостьянова (38,2%), отрывки из «Одиссеи» Масальского (41,2%), три стихотворения Дельвига (37,1—42,3%) и обе редакции «Мстислава Мстиславича» (по 33,3% в каждой). Меньше 25% стихов I формы — в 21 произведении, однако у Тредиаковского в «Аргениде», в «Тилемахиде» и во фрагментах из античных авторов строки 6-стопного дактиля сохраняют ведущее положение (16,3—23,3%), и только в 15 стихотворениях они уступают это место другим: во всех «Стихах», помещенных в «Сочинения и переводы» Тредиаковского, I форма по своей встречаемости оказывается на втором месте (14,1—20,0%); в трех отрывках у Муравьева она перемещается со второго места на четвертое (11,1—21,1%); в переводе Мерзлякова из «Илиады» — занимает третье место (16,1%). У Воейкова в III

эклоге I форма господствует безраздельно (18,8%), а в V эклоге — наравне со II формой (15,6%); у Перевощикова I форма встречается с такой же интенсивностью, как X и XV (17,6%). Наиболее слабы позиции I формы у Ветринского (восьмое место; 6,1%) и у Востокова: от второго места в «Георгиках» (15,4%) до десятого — двенадцатого в гимне «К дочерям Премудрости» (3,3%). Похожая картина у Катенина: после «Мстислава Мстиславича» эта форма сначала спускается с первого места на второе («Ахилл и Омир» — 13,9%, «Идиллия» — 14,1%), а в «Дуре» делит с VII формой четвертое — пятое место (10,0%). Лишь у Востокова, Ветринского и Катенина на передний план выходят строки с двумя хорееми: это VII форма в стихотворении «К дочерям Премудрости» (16,7%), X форма в I песни «Энеиды» (12,3%) и IX форма в идиллии «Дура» (14,3%).

1.3. Русский гексаметр характеризуется не только первичным ритмом, то есть чередованием иктов и междуиктовых интервалов, но также вторичным ритмом — чередованием часто и редко хорезируемых стоп (Гаспаров 1975, 366). В XVIII — начале XIX в. вторичный ритм гексаметра отличался большим разнообразием: максимум и минимум хорейности могли приходиться на любую стопу из первых четырех. Но в этом ритмическом богатстве можно тем не менее выделить несколько основных типов и уловить общее направление формальной эволюции размера.

У родоначальника русского гексаметра больше всего хореев было на III стопе (100%), затем шла IV стопа (60%), а I и II делили последнее место (по 20%). Это значит, что вторичный ритм имел у Ломоносова формулу $III > IV > I = II$. Очевидно, что равновесие хореев на I и II стопах было случайным и неустойчивым и не могло сохраниться даже у ближайших последователей (ср. «Суд Божий» Глинки). Открывались две возможности: увеличение доли односложных интервалов на I стопе ($III > IV > I > II$) вело к появлению «двухвершинной» ритмической кривой со спадом хорейности на II стопе, резким подъемом на III и новым спадом на IV; увеличение доли односложных интервалов на II стопе ($III > IV > II > I$) вело к «одновершинной» кривой с постепенным подъемом от I стопы к III и спадом на IV стопе. Обе эти возможности реализовал уже Третьяковский: он создал два наиболее распространенных ритмических типа, от которых так или иначе были образованы все остальные. Первый тип воплотился в «Аргениде». Позже им были написаны произведения Сумарокова, Муравьева («Роща»), Рубана, Востокова («Мессиада»), Воейкова («Енеида»),

Эволюция вторичного ритма русского гексаметра
(XVIII — первая половина XIX в.)

Дельвига («Стихи на рождение В. К. Кюхельбекера», «Купальницы»), Крылова, Покровского, Теряева, Кюхельбекера («К богу видений»), Мерзлякова и Катенина («Мстислав Мстиславич» и «Дура»). Второй тип представлен у Тредиаковского в «Стихах Панегирических» и «Сотерических», в отрывках, инкорпорированных в перевод Роллея, а главное, в «Тилемахиде». Этот стих унаследовали Муравьев («Искушение Авраамово»), Воейков («Георгики»), Жуковский («Аббадона»), Кюхельбекер («Гимн Бакхусу», «Гимн Аполлону», «Первое раскаяние») и Шелехов («Энеида»); наиболее пространные гексаметры Катенина («Ахилл и Омир» и «Идиллия») также принадлежат к этому типу.

Освоение новых типов «двухвершинного» гексаметра было связано с уменьшением доли хореев на III и IV стопах (ср. Гаспаров 1975, 377). Непосредственное ослабление III стопы за счет IV ($IV > III > I > II$) не пользовалось особой популярностью: оно встречается только в двух отрывках у Муравьева (из Вольтера и из I эклоги Вергилия) и в «Сиракузянках» Гнедича. Более продуктивным оказался вариант с усилением I стопы за счет IV при сохранении максимума на III стопе ($III > I > IV > II$): эта разновидность гексаметра использована у Мура-

вьева («Из ... Георгиев»), в первоначальном тексте «Илиады», в «Овсяном киселе», в идиллиях Дельвига (обе редакции «Цефиза», «Друзья»), в III эклоге у Воейкова и в «Соложенном тесте»; сюда же примыкает автоэпитафия Катенина ($III = I > IV = II$)²⁰. От этого ритмического варианта были образованы два других. В одном из них, относительно редком, происходило дальнейшее уменьшение доли хореев на IV стопе, которая уступила место II: $III > I > II > IV$ (Муравьев, из «Илиады»; Востоков, «К дочерям Премудрости»; Жуковский, «Протокол ... арзамасского заседания»; Глинка, «Совет Юноше» и «Гроза»). В другом варианте, входящем в число самых авторитетных, III стопа поменялась с I: $I > III > IV > II$ [Муравьев, из «Мессиады»; Галинковский; Гнедич, «Илиада» (по выборке В); Масальский, из «Одиссеи»; Жуковский, «Одиссея»; ср. также исходный текст гексаметров «Мстислава Мстиславича» ($I = III > IV > II$) и «Разрушение Трои» ($I > III > II > IV$)]. Этот вариант тесно связан и с трудом отличным от того, чья формула $I > IV > III > II$ [Гнедич, «Илиада» (по выборке А); Жуковский, «Красный карбункул» и «Отрывки из „Илиады“»]. Разница между показателями хорейзации по III и IV стопе в этих произведениях очень мала, и небольшое усиление или ослабление любой из двух стоп приводит к перетеканию одной формы в другую: фактически можно говорить о едином варианте с формулой $I > III \approx IV > II$ (ср. $I > III = IV > II$ у Бриммера).

Филиация ритма «одновершинного» гексаметра также шла с ослаблением хорейности III стопы. Широкого распространения такие формы не получили: упоминания заслуживает, быть может, лишь вариант, который возникает в «Надгробной песни» Попова, в послании Воейкова к Уварову, в «Раскаянии» Шелехова и в «Энеиде» Ветринского, — он отличается плавным подъемом кривой от I стопы к IV ($IV > III > II > I$; в «Раскаянии» — $IV = III > II > I$). Другие формы носят единичный характер и находятся на периферии размера. Вообще 5 основных типов вторичного ритма, ведущие свое происхождение от Ломоносова, охватывают без малого $\frac{2}{3}$ произведений, 90,6% строк, а на долю остальных 25 типов не остается почти ничего. С появлением новых вариантов вторичного ритма старые из числа 5 сохраняют свою продуктивность, в первую очередь у Воейкова и Катенина. Генетическая связь между ними отчетливо прослеживается у Гнедича: ранний вариант «Илиады» ($III > I > IV > II$) перерабатывался в сторону хорейзации I стопы и дактилизации III и IV: в выборке А чуть больше дактилей оказалось на III стопе, в выборке В — на IV.

Структура вторичного ритма зависит не только от распределения максимума и минимума хорейности, но и от разницы между ними. Однако с точки зрения амплитуды колебания ритмической кривой не удастся дифференцировать ни основные ритмические типы гексаметра, ни разные этапы его истории, ни даже отдельных авторов. Разница между экстремумами у Третьяковского составляет от 12,8% («Тилемахида») до 30,1% («Стихи Теодикейские»), у Муравьева — от 8,3% («Искушение Авраамово») до 57,1% («Из ... Георгиев»), у Востокова — от 8,7% («Отрывок из ... Георгиев») до 23,3% («К дочерям Премудрости»), у Воейкова — от 5,9% (в V эклоге) до 22,3% (в III эклоге), у Гнедича — от 5,1% («Илиада», выборка А) до 15,8% («Тантал и Сизиф в аде»), у Дельвига — от 1,7% («Конец золотого века») ²¹ до 44,0% («Стихи на рождение В. К. Кюхельбекера»), у Жуковского — от 0,8% («Одиссея») до 17,6% («Красный карбункул»). Стабильной амплитуда колебаний остается только у Кюхельбекера (от 20,0% в стихотворении «К богу видений» до 30,0% в «Гимне Земле»), у Шелехова (от 12,9% в «Раскаянии» до 13,5% в «Энеиде») ²¹ и у Катенина: 16,6% во «Мстиславе Мстиславиче», 17,2% в «Ахилле и Омيره», 20,3% в «Идиллии», 23,4% в «Дуре», 25,0% в автоэпитафии «Павел, сын Александров...». Если бы не 33,3% разницы между максимумом и минимумом в первой редакции «Мстислава Мстиславича», можно было бы сказать, что с течением времени разрыв между предельными показателями у Катенина всё увеличивался. Следовательно, не находит подтверждения вывод М. Л. Гаспарова о том, что эволюция русского гексаметра «сопровождается сглаживанием ритмической кривой» (1975, 377): и в этом отношении многие поэты начала XIX в. оставляют Третьяковского позади.

2.1. Параллельно ритмической деривации бурно шла деривация метрическая: рядом с новыми разновидностями гексаметра возникали образованные от него новые стихотворные размеры. Однако в статье М. Л. Гаспарова (1990), специально посвященной дериватам гексаметра, из них не рассматривается ни один. Мне кажется, это происходит потому, что вопрос о формальной деривации размеров М. Л. Гаспаров ставит не как историко-филологический, а как чисто комбинаторный: размеры, якобы производные от гексаметра, он получает, произвольно меняя одну или несколько его метрических констант. Понятно, что таким путем в дериваты гексаметра попадут практически все русские размеры, а не только 6-стопный хорей, или 5-стопный анапест, или

рифмованный 4-стопный дактиль, как это оказывается у М. Л. Гаспарова (1990, 331 и далее).

Формы, в которых он ищет и находит реликты античной семантики, появились независимо от гексаметра. Строго говоря, его дериватом нельзя считать даже 6-стопный дактиль (ср. Гаспаров 1990, 331), поскольку впервые он был «открыт» тогда же, когда и гексаметр. В «Письме о правилах российского стихотворства» Ломоносов (1752, 14 и др.) противопоставил дактилический шестистопник (*Вѣтсѣя крѹгѣмъ змїя пѣ трѣвѣ, ѡбновѣвшїи в рѣссѣлїнѣ*) шестистопнику дактило-хореическому (*Ежѣль боїтсѣя, ктѣ нѣ стѣл бѣ сїлѣн бѣзмернѣ*). По этому поводу Востоков заметил: «Хотя Ломоносовъ <...> выставилъ и шестистопный стихъ, изъ однихъ дактилей состоящїй <...> такой стихъ можетъ употребленъ быть только <...> между другими вольными стихами, а сряду три или четыре стиха <...> изъ однихъ дактилей, никто конечно ни напишетъ, ни прочитаетъ съ терпѣніемъ» (1817, 51). И всё же, вопреки Востокову [и не только ему (Вишневский 1969, 211; 1972, 150—151, 203—207, 257—258)], 6-стопные стихи «изъ однихъ дактилей» обнаруживаются уже в середине XVIII в.:

Всѣ населяющїи ²² небо и землю да знаютъ отнынѣ:
 Мною пресѣклась война, и конецъ положенъ злої судьбинѣ.
 Въ сей день великіе два и прехрабрые въ свѣтѣ Героя
 Кончатъ любовїю брань, благоденство всеобщее строя.
 Чудище! скрой безобразно лице, и скорѣя удалися;
 Прочь, говорю, несогласїе, прочь и межъ фурїй вселїся —

и т. д. (16 строк). Ни по своему генезису, ни по своей семантике никакого отношения к дактило-хореическому размеру этот опыт Баркова (1762, 25) не имеет (о чем, в частности, свидетельствует рифма, невозможная в гексаметре того времени) ²³. Поэтому начавшееся с 1810-х годов употребление белого 6-стопного дактиля с женскими клаузулами в качестве эквивалента гексаметра (см. Олин 1815; Жихарев 1816; Глинка 1818б; 1818в; Сомов 1819; *Ανοήτος* 1820а; Мерзляков 1826, 17—23, 296—310; и др.) было следствием не дивергенции, а скорее конвергенции размеров.

К дериватам русского гексаметра по праву могут быть причислены только те размеры, которые и в самом деле были образованы либо от него самого, либо от других его дериватов. Первым таким размером стал «Гексаметръ Анапестоїамбїческїй», созданный Третьяковским в 1749 г.: «Отвагу мою я и еще далѣе произвелъ: употребилъ я вновь, смотря на образецъ Дактіло-Хореїческаго Гексаметра, и Анапестоїамбїческїй Гексаметръ, также какъ и первый, безъ рїѣмы» (1751, I:

LXVII); «Сей Стїхъ новаго изобрѣтенїя, и есть онъ подражанїе Дактилохореическому» (1752, II: 115; Байбаков 1774, 15 сл.). По модели гексаметра одновременно был сконструирован пентаметр, который, по замыслу его создателя, следовало использовать исключительно в рифмованных дистихах: «И понеже явился вновь же Гексаметръ Анапестоїамбическій; то надобно стало составить и Пентаметръ подобный <...> Кажется, что сему и у насъ лучше быть съ своимъ Гексаметромъ, но притомъ и съ Рїемою» (Трѣдиаковский 1752, I: 123; 1751, I: LXVIII сл.; Байбаков 1774, 15) ²⁴. Эти анапесто-ямбические размеры отличались от дактило-хореических, главным образом, переменной анакрусой, односложной, как в ямбе, или двусложной, как в анапесте (ямбические анакрусы преобладают: в гексаметре их 75,5%, в дистихе — 67,5% ²⁵):

Плывите суднища; вась да подхватятъ наглыи вѣтры!
 Плывите суровья! такъ да хранятъ вась воздухъ и море;
 Какъ главный вашъ заслужилъ! совокупно съ вами Беллона
 Засвиститъ ужасно, и огонь, въ возмущенные бросивши тучи,
 Подъиметь изъ адскихъ глубинъ, и въ пучину свергнетъ перуны.

Вариативность в начале стиха вдвое увеличивает количество ритмических форм: если в дактило-хореическом гексаметре их 16, то в анапесто-ямбическом — 32; почти все они, кроме четырех, реально представлены у Трѣдиаковского (отсутствуют формы VIII₂, X₂, XI₂, XVI₁; форма VIII₁ доминирует — 10,6% ²⁶). Двусложные интервалы попадают еще реже, чем в классическом гексаметре: после I икта их 53,2%, после II — 68,1%, после III — 51,1%, после IV — 59,6%, в среднем — 58,0%.

Попытка ввести в русский стих гексаметр с переменной анакрусой успеха не возымела (Востоков 1817: 45—46) ²⁷. Но когда под влиянием немецких поэтов (И. П. Уц, И. Э. Шлегель, Н. Д. Гизеке, Э. К. фон Клейст, И. Ф. фон Кронегк) так называемый «амфибрахический» гексаметр с постоянным односложным затактом стал внедряться в России (Wackernagel 1831, 62—65; Schuchard 1927, 33—35; Kabell 1960, 225 сл.; Bennett 1963, 44—45, 236; ср. Лотман 1987, 55, 70 примеч. 30; Гаспаров 1984, 126; 1990, 335), возможно, был учтен и более ранний эксперимент Трѣдиаковского (ср. Востоков 1817, 44—45; Гаспаров 1984, 65) ²⁸. Первым строение нового размера описал, по-видимому, Востоков: «Разница конечно не велика между амфибрахическимъ <вернее амфибрахоиямбическим. — М. III.> и дактилохореическимъ 6^{ти} стопнымъ, ибо ежели къ сему послѣднему прибавить сначала одинъ краткій слогъ, то выдетъ стихъ амфибрахическій. Сей

стихъ принимаетъ всѣ 16 измѣненій экзаметра дактилохореическаго, и имѣеть совершенно одинаковыя съ нимъ стопы, кромѣ первой» (1817, 39). Однако фактический ритм амфибрахо-ямбического гексаметра, как правило, был беднее (см. табл. 6).

По-видимому, раньше других обратился к этому размеру Муравьев, выбрав его для «Начала Клейстовой Поэмы Весна» (1776), оригинальный стих которой также начинается с Auftakt'a (Kabell 1960, 225; Bennett 1963, 45, 236):

Примите мя, тѣни священныя! въ<, > о высокіе своды,
 Мечтаній пріялище первыхъ, примите и гѣснь мнѣ вдохните
 Въ хвалу помладѣвшей природы!.. и вы, о смѣющіяся лугъ,>
 Гдѣ вьются источники свившись! росой окропленные доль<, >
 Я здѣсь съ удовольствіемъ стану дышать удовольствие. На васъ я
 Взойду<, > вы<, > душистые холмы<, > и тамо въ струны златыя, <...> ²⁹

Из 6 строк этого перевода, автограф которого оборван автором буквально на запятой, 5 представляют собой правильный 6-стопный амфибрахий, и лишь последняя, 6-я, «синкопирована» на IV стопе. В переводе Мерзлякова из «Одиссеи» («Улисс у Алкиноя», 1805) двусложных интервалов побольше — 89,8% [в его «Друзьях» (1815) — 98,5%; в «Гимне Земле» (1826) — 93,1%]. Они попадают преимущественно на III и особенно на IV стопу и встречаются в строке не чаще одного раза (единственное исключение — стих 84-й: *Почто ты плачешь, когда вещают о славных аргивцах?*). В основном ритмическое разнообразие достигается за счет аномальных строк (31,2%) (ср. Востоков 1817, 39). В полной мере ритмические возможности амфибрахо-ямбического гексаметра осуществлены только у Воейкова, который долго не мог подобрать стих для перевода «Георгик», пробуя то 6-стопный ямб, то размер «Улисса и Алкиноя» (см. Воейков 1814; 1815). В 127 строках этого размера из 16 форм у Воейкова нет лишь XII; амфибрахических стихов — 40,9%; двусложные интервалы составляют 81,3%; формула вторичного ритма IV > III > II > I; разница между экстремумами — 16,5% (близкие параметры имеет «Послание к С. С. Уварову»). По сравнению с «Георгиками» стихотворение Дельвига «На смерть Державина» (1816) в отношении ритма есть шаг назад: в нем 87,2% двусложных интервалов; формы с VI по XVI не используются. В целом «амфибрахический» гексаметр не был особенно популярен — можно сказать, что становление размера не завершилось (об этом говорит высокий процент неправильных стихов даже у авторов младшего поколения: 7,1% у Воейкова, 6,5% у Дельвига) ³⁰.

Метрическую схему гексаметра с односложной анакрусой чаще всего нарушали 5-иктные строки — у Мерзлякова их доля доходит до 30,1% (Дельвиг 1830, 130)³¹. С эмансипацией этих форм связано образование самостоятельного амфибрахо-ямбического пентаметра. Правда, в «Улиссе у Алкиноя» большинство 5-ударных стихов — «чистые» амфибрахи, и только в 70-й и 71-й строке есть ямб на III стопе (<...> *Востребует жертв от пловцов, безбедно, без страха, // Так долго сретавших брега отчизны любезной <...>*). Дальнейший процесс кристаллизации нового размера шел через ритмическое расшатывание 5-иктного лобада и 5-стопного амфибрахия (ср. Вишневский 1972, 214—215). Перевод Феокритовой идиллии «Рыбаки» (1807; 75 стихов) Мерзляков предварил схемой размера: $\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}||\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}\cup$, которую сам же нарушил не менее девяти раз: 8 строк (10,7%) отмечены односложным интервалом после III икта, 1 строка — после IV икта. Другая идиллия Феокрита — «Циклоп» (1807; 99 стихов) — была написана по схеме $\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}||\cup\text{---}\cup\text{---}\cup\text{---}\cup$, тоже многократно нарушенной: в 7 случаях — по два односложных интервала (после II и III иктов), в одном случае все интервалы двусложные (8,1% аномалий).

Последние признаки лобаэдичности исчезли в «Циклопе» Гнедича (1813; 60 стихов). Сохранив исходную 5-ударность, женскую клаузулу и перед ней двусложный интервал, Гнедич допустил односложные междуиктовые промежутки на всех остальных стопах: трижды после I икта (5,0%), дважды после II (3,3%) и 24 раза после III (40,0%). Амфибрахических строк немногим больше половины (56,7%); один стих с анапестической анакрусой: *О циклоп, циклоп, куда твой рассудок девался?* (было бы неправильно предполагать ударность первого слога: в 6 других случаях это междометие атонируется; к тому же дактилическое начало и 6-иктность резче противоречат метру). Менее свободным был ритм амфибрахо-ямбического пентаметра у В. Чюрикова (1816; 70 стихов): в его идиллии «Жнецы (Из Теокрита)» на I стопе — 100% амфибрахий, на II стопе — три ямба (4,3%) и на III — десять (14,3%). Еще беднее ритм идиллии «Дамон» (1821; 106 строк) — самого знаменитого произведения, написанного этим размером: им открывались «Стихотворения Барона Дельвига» (ср. В. 1829, 13). Правильных амфибрахий в ней 91,5%; один ямб на I стопе, по три — на II и на III; 26-я строка начинается с ударного слога. Ясно, что амфибрахо-ямбический пентаметр играл в русской поэзии еще более скромную роль, чем гексаметр; помимо пародии Гнедича, которая

увидела свет лишь в 1884 г., все стихотворения этого вида — переходные метрические формы: строки с переменным междуиктовым интервалом не превышают в них 20%.

2.2. Следующим звеном в цепи дериватов гексаметра стал несвященный дактило-хореический пентаметр. Метрическую завершенность и ритмическое совершенство он обрел под пером Катенина, но 7 из 8 его форм были известны раньше:

I	XUUUXUUUXUUUXUUU
II	XU XUUXUUUXUUU
III	XUUUXU XUUXUUU
IV	XUUUXUU XU UUU
V	XU XU XUUXUUU
VI	XU XUUXU XU UUU
VII	XUUUXU XU XU UUU
VIII	XU XU XU XU UUU

Спорадически 5-иктные строки случались у подавляющего большинства гексаметристов, начиная с Третьяковского (1752, II: 231; 1763, VII: XXXII), а с 1810-х годов пентаметры становятся заметными и достигают у Кюхельбекера 2,2%, у Воейкова в «Енеиде» — 2,7%, в «Георгиах» — 3,0%, у Жуковского в арзамасском протоколе — 4,3%. Далеко не всегда это строки 5-стопного дактиля; уже у Третьяковского в одном из двух окказиональных пентаметров — хорей на II стопе: <...> *Свищущихъ зло язЫкомъ, и громко устами* («Стихи Сотерические»). В гексаметрах начала прошлого века можно отыскать любую форму дактило-хореического пентаметра, кроме VIII: II — <...> *Тяжкий с притчами воз, а на козлах мартышка* <...> (Жуковский, «Протокол», стих 144-й); III — *Смотришь — Господь Бог ангела шлет к нему с неба* <...> (Жуковский, «Овсяный кисель», стих 20-й); IV — *Вечное пламя с дня на день! рдеющий уголь* <...> (Кюхельбекер, «Гимн Аполлону», стих 61-й); V — <...> *Нѣтъ, твоей мы здѣсь не встрѣчали подруги* (Воейков 1817б, 182); VI — <...> *Вкругъ Каистрскихъ озеръ живущи въ Азійскихъ* <...> (Воейков 1816, № 10: 83); VII — <...> *Тутъ ковачи разъ въ разъ бьютъ сталь молотами* <...> (Воейков 1817а, № 4: 248)³². В общей сложности в «Георгиах» хореизировано около половины «случайных» пентаметров (41,2%) — больше, чем где бы то ни было.

В то же время создаются первые произведения, в которых дактило-хореические пятистопники — это не следствие метрической ошибки, а результат авторского намерения. В стихотворении «К самому себе»

(1813; 16 стихов) Жуковский смешивает 5- и 6-иктные строки в пропорции один к трем; «чистых» дактилей две трети, но есть и V форма гексаметра, и 4 стиха пентаметра с хореем на II стопе. Другой пример — полиметрическая композиция В. Олина «Каитбат и Морна», в которой произвольно чередуются гексаметры и пентаметры с односложной анакрусой и без:

И сынъ Турлатона, смягченный впервые слезами,
 Шумный изъемять свой мечъ, и двѣ вручаетъ.
 Морна желѣзо береть, и въ сердце вонзаетъ злодѣю:
 Какъ снѣжная глыба, отторгнута бурей отъ холма,
 Паль онъ, и къ ней простираетъ кровавыя руки (1818, 36).

В этом стихотворении, соединяющем в себе основные дериваты гексаметра, присутствуют два несвязанных дактило-хореических пентаметра III формы и два — IV³³.

В особый размер пятистопники без анакрусой и с переменным слоговым интервалом были выделены у Катенина. В составе его гексаметров 5-ударные строки отсутствуют, но связь между теми и другими сомнения не вызывает. Стихотворение «Ахилл и Омир», в котором новая метрическая форма впервые заявила о себе, начинается 8 строками несвязанного пентаметра, а продолжается 151 строкой гексаметра (стихи 120—270). В последний раз Катенин обратился к пентаметру в поэме «Инвалид Горев»; 6-иктных стихов в ней нет, но отпочковавшаяся от нее идиллия «Дура» написана правильными гексаметрами³⁴. Родство обоих размеров сказалось на их ритме. Удельный вес дактилических промежутков в пентаметре Катенина даже меньше, чем в гексаметре (61,7% и 63,1%). Ритмический репертуар пентаметра также включает в себя все мыслимые варианты размера: формы с I по VIII представлены в каждом тексте, не считая 8-строк фрагмента из «Ахилла и Омира». Неправильные стихи очень редки (6 случаев в «Инвалиде Гореве»), но по крайней мере часть из них — следствие типографской небрежности (см. примеч. 3, 4). Формула вторичного ритма III > II > I; непрерывный рост доли хореев от I стопы к III напоминает структуру гексаметра в «Ахилле и Омيره» и в «Идиллии» (в этих стихотворениях сосредоточено 91,4% катенинских гексаметров). Отличие лишь в том, что спад хореичности от середины стиха к концу в гексаметре — постепенный, а в пентаметре — крутой.

Эволюция ритмики обоих размеров шла у Катенина в одном направлении. За исключением Муравьева, экспериментировавшего со всякими ритмическими формами, и Жуковского, у которого эти формы дифференцировались по стилю и жанру (Гаспаров 1975, 377—378;

1984, 126, 163), русские поэты, как правило, обнаруживали пристрастие к определенной степени хорейзации гексаметра: разброс показателей по разным произведениям одного автора редко превышает 10%: у Востокова — 9,0%, у Гнедича и Кюхельбекера — 5,4%, у Тредиаковского — 5,1%, у Воейкова — 2,3% (для сравнения: у Жуковского — 24,3%, у Муравьева — 40,2%). У Катенина разница между слабо и сильно хорейзированными гексаметрами составляет 20,0%, причем число односложных интервалов со временем у него возрастает. Максимум дактилей в раннем варианте «Мстислава Мстиславича» (1819) — 79,2%. В «Сочинения и переводы в стихах» (С.-Петербург 1832) эта баллада вошла в новой редакции, в частности был изменен первый стих гексаметрического фрагмента (с VII формы на XVI): *Такъ промовилъ Мстиславъ Мстиславичъ, Князьъ Галицкій храбрый* → *Так Мстислав Мстиславич храбрый Галицкий молвил*; в результате доля дактилей понизилась до 70,8%. Во всех последующих гексаметрах дактилей еще меньше: в «Ахилле и Омире» (1826) — 65,6%, в «Идиллии» (1831) — 62,0%, в «Дуре» (1835) — 59,2%. В пентаметрах процент дактилей тоже сокращается, хотя сначала не столь стремительно: в «Ахилле и Омире» — 70,8%, в «Элгии» (1828) — 69,0%, в «Гнезде голубки» (весна 1835) — 65,2%. А в «Инвалиде Гореве» (осень 1835) дактили в среднем встречаются реже, чем в связанной с ним единым замыслом «Дуре», — 58,2%.

Ритмическое сходство между гексаметром и пентаметром, подтверждающее, что одна форма у Катенина была впрямь произведена от другой, совсем не так очевидно, как кажется. Это нетрудно доказать, сопоставив ритмику катенинского гексаметра с ритмикой нечетных (гексаметрических) строк его элегического дистиха. С метрической точки зрения, «чистый» гексаметр и гексаметр дистиха ничем не отличаются друг от друга, тогда как их отличие от несвязанного пентаметра видно невооруженным глазом. Наоборот, с точки зрения ритмической отличие гексаметра от несвязанного пентаметра ничтожно, но от элегического дистиха оба они отличаются разительно. Амплитуда вторичного ритма в «чистом» гексаметре колеблется от 16,6% до 33,3%, в несвязанном пентаметре — от 12,5% до 32,7%, в гексаметрах элегического дистиха — от 39,2% («Тень Шекспира», 1832) до 87,5% («Надгробие», 1830)³⁵; посередине — «Эпиграммы из антологии» (1840; 42,8%) и «Эпиграммы свои» (1840; 71,4%). Слабо хорейзированные стопы в элегическом дистихе Катенина могут быть еще слабее, чем в гексаметре (на II стопе «Надгробия» — 100% дакти-

лей), но сильно хореизированные стопы в дистихе всегда хореизированы несравненно сильнее, чем в других дактилохореических размерах: в каждом таком стихотворении хотя бы на одной стопе количество дактилей опускается ниже 40%: в «Надгробии» — 12,5% (III стопа), в «Тени Шекспира» — 39,1% (III), в «Эпиграммах из антологии» — 28,6% (III), в «Эпиграммах своих» — 14,3% (I); в «чистых» гексаметрах такое низкое содержание дактилей не отмечено ни у одного поэта. Всё указывает на то, что несвязанный пентаметр явился дериватом русского гексаметра, тогда как элегический дистих — дериватом элегического дистиха, античного или немецкого, и имел собственную ритмическую эволюцию, во многом независимую от гексаметра.

3.1. Проблема связи формальной и семантической деривации размеров была впервые сформулирована несколько лет назад как раз на материале гексаметра (Гаспаров 1990). Вместе с тем исследование «о границах семантического ореола» М. Л. Гаспаров, мне кажется, провел не вполне корректно: он задался вопросом, как долго сохранится античная семантика гексаметра, несмотря на изменение его метрических констант (или по-другому: какие изменения в гексаметрической форме потребуются для того, чтобы полностью вытравить античный колорит из содержания размера-деривата)? При подобной постановке вопроса не принимаются в расчет синонимия и омонимия размеров, о которой писали многие, включая самого М. Л. Гаспарова (см. Шапир 1991, 37): как известно, античную семантику имеет не один гексаметр, который, со своей стороны, может ее и не иметь (ср. Бонди 1978, 335). Справедливо и более сильное утверждение: нет такого размера, каким нельзя было бы писать об античности, и нет таких тем, на которые нельзя было бы писать гексаметром, — всё дело лишь в вероятности соединения конкретной темы с конкретным размером, и единичными примерами тут ничего не доказать. По мнению М. Л. Гаспарова (1990, 333—334), в нерифмованном 4-стопном дактиле привкус античности сохраняется, а в рифмованном — уже нет, но у Катенина рифмованный 4-стопный дактиль вовсе не противоречит древнегреческому сюжету:

Здесь, забывая Олимпа чертоги,
Часто гуляют бессмертные боги:
В сонме священных доилиц Фиад
Вакх вечно юный, источник отрад <...>

«Софокл» (1818)

Горе смутителю пепла священного!
 Кара жестокая ждет дерзновенного.
 Горе Пелидов прервавшему сон!
 Страшен и в гробе разгневанный он.

«Ахилл и Омир»

В белом 5-стопном амфибрахии М. Л. Гаспаров усматривает «близость к семантике гексаметра», но полагает, что в белом 4-стопном амфибрахии «последние остатки гексаметрической семантики исчезнут» (1990, 333—334). На самом деле «остатки» этой семантики видны у Катенина даже не в белом, а в рифмованном 4-стопном амфибрахии (6 строк в «Софокле» и 24 строки в «Ахилле и Омيره»):

И ты, пастырь юный, пленительным пеньем
 Проникнул в глубокую Тартара мглу,
 И с радостным внемлет Ахилл умилением
 Себе и Патроклу Омира хвалу.

Античную семантику у Катенина принимают два десятка размеров: 3-стопный и 4-стопный хорей; 2-стопный, 4-стопный, 6-стопный, вольный и разностопный ямб (урегулированное чередование 2- и 5-, 3- и 6-, 4- и 6-иктных строк); 2-стопный, 4-стопный и разностопный дактиль (урегулированное чередование трех 5-стопных и одной 2-стопной строки, а также трех 4-стопных строк со стяжением на цезуре и одной 2-стопной); 2-стопный, 4-стопный, вольный (?) и разностопный амфибрахий (разные формы урегулированного сочетания 4- и 3-стопных строк); вольный анапест и, разумеется, гексаметр, несвязанный пентаметр и элегический дистих. Нельзя сказать, что три последних размера чаще получают античную окраску, нежели остальные: так, из пяти гексаметрических стихотворений явным образом классическая древность ощущается только в двух: в «Ахилле и Омيره» и в «Идиллии»; в «Мстиславе Мстиславиче» гексаметр обслуживает древнерусскую тему, в «Дуре» — современную крестьянскую, в эпитафии «Павел, сын Александров...» — автобиографическую.

Ни о каком «сохранении» семантики нельзя с уверенностью говорить, даже если один размер был действительно образован от другого (а тем более, если они возникли независимо друг от друга). В общем случае сходство содержания, скорее всего, будет свидетельствовать только о простом совпадении, да и странно было бы предполагать, что в языке духовной культуры творческое изменение формы останется безразличным к содержанию (Шапир 1993, 127—132). Поэтому при изучении семантической деривации размеров правильнее сосредоточиться не на тех аспектах содержания, которые якобы были сохранены, а

на тех, которые были сознательно и целенаправленно изменены. Так же как сравнительно-историческое языкознание, сравнительно-историческое стиховедение призвано установить между родственными формами не столько сходство, сколько закономерное различие: оно-то и явится неопровержимым свидетельством общего происхождения размеров.

В неправильном подходе к решению проблемы семантической деривации кроется разгадка обстоятельства, о котором зашла речь в самом начале этой работы: в «Очерке истории русского стиха» М. Л. Гаспаров (1984, 126—127) цитирует «Инвалида Горева» как пример удачной метрической модификации гексамetra³⁶, но в специальной статье, посвященной дериватам гексамetra, стих, которым написан «Горев», даже не упоминается. Объяснить это можно лишь тем, что размер, по формальным признакам наиболее близкий к гексаметру, был при этом лишен явных признаков античной семантики:

Столь накрытъ; и водка на немъ, и закуска;
Рѣдка съ масломъ, икра и соленые грузди.
Водку сынъ, а пиво сноха, а хозяинъ
Самъ предлагалъ съѣстное: «Подчивать гостя
Стыдно икрой; солона дорогая покупка³⁷.
Грузди отмѣнные; нынче родилось ихъ пропасть,
Некуда было дѣвать: на здоровье покушай» (261—267).

Однако внешних примет античности в «Гореве» быть и не должно было: этого требовала логика семантической эволюции пентаметра. В момент своего рождения, в стихотворении «Ахилл и Омир», новый размер имел ту же семантику, что гексаметр:

В море пространном, Евксине, остров пустынный,
Именем славный, прахом богатый Ахилла;
Там среброногая мать, богиня Фетида,
Скрыла в недра земли драгоценную урну<...>

Но в последующем семантическая пуповина между размерами была перерезана, и они все более и более отдалялись друг от друга. В «Элегии», начинающейся с упреков к Фебу (*Фив и музы! нет вам жестокостью равных <...>*; ср. Тиб. II, V), под видом древнегреческого поэта Евдора Катенин описывает себя, свое участие в наполеоновских войнах, ссылку, литературные неудачи, умершую в молодости невесту; дед автора А. Я. Пурпура предстает в образе старца Порфирия, Александр I — в образе Александра Македонского, Пушкин — в образе Феокрита и т. д. (Розанов 1923, 148—153; Орлов 1937, 41; 1954, 56; Ермакова-Битнер 1965, 686—688; и др.). На первом пла-

не по-прежнему остаются картины Эллады, правда раннеэллинистической, а не гомеровской, но сквозь них хорошо просматривается русская подкладка сюжета. Снова, спустя семь лет, несвязанный пентаметр появляется в «Гнезде голубки» [«<...> написано размером моей Елегии», — изведал Пушкина Катенин в мае 1835 г. (Пушкин 1949, 27)]. Эта небольшая повесть «из Аравийской истории», время действия которой перенесено еще на тысячелетие вперед, тем не менее сохраняет память об эллинистической культуре (<...> эллин и Рима // Блудные басни <...>) и не рвет окончательно связей с Грецией Александра Македонского: *Путь наш отселе к морю, на град нечестивый. // Древле его построил Скандер великий, // Греческий царь <...>* Логическим завершением путешествия во времени становится «Инвалид Горев», действие которого придвинуто еще на тысячу с лишним лет и вплотную приближено к современной русской действительности: всякий видимый след античности в этой поэме теряется.

Знаменательно, что сходный процесс переживала семантика «амфибрахического» пентаметра. Переводя идилию Феокрита, Мерзляков русифицировал не только размер, но и стилистику. Это подметил Гнедич и пожелал усилить эффект: «Переводчик <...> страдания от любви Феокритова Циклопа так описывает:

Цвет юности алой угас, и кудри не вьются.

<...> Стих сей, незнакомый Феокриту, знаком каждому русскому, он из песни <...> я думаю, что переводчику хотелось Циклопа сицилийского сделать московским. Эта благородная смелость мне очень понравилась, я <...> пустился по следам московского переводчика и, смею сказать, был счастливее его. Мой Циклоп есть житель петербургский: физиономия его моим читателям должна быть знакома» (1956, 99). «Циклоп» в исполнении Гнедича («Феокритова идилия, приуроченная к нашим нравам») — это пародия на Мерзлякова, направленная, по словам И. Н. Медведевой, «против тех переводчиков античной поэзии, которые считали возможным передавать греческие гекзаметры русским песенным размером» (1956, 801 сл.; Kažoknieks 1968, 195—197). В русификации стиха и смысла Гнедич пошел еще дальше, избавляясь от остатков логоэдичности и под видом циклопа Полифема изобразив самого себя (*Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера...*) — в этом отношении Гнедичев Полифем сродни катенинскому Евдору. Если бы история размера получила свое продолжение, можно было бы предсказать дальнейшее направление его развития:

следующим шагом стало бы окончательное устранение античных мотивов и образов.

3.2. Если от явной античности дериваты гексаметра освобождаются достаточно быстро, то скрытое ее присутствие еще долго дает о себе знать. Видимых проявлений античной семантики в «Инвалиде Гореве» нет (во всяком случае, до сих пор никто их там не разглядел). Однако невидимые нити крепко связывают *быль* Катенина с эпосом древних греков, и это во многом предreshает структуру сюжета и расстановку персонажей в поэме. В рекрутский набор 1804 г. крестьянин Макар Горев был взят на *Царскую службу*. // *Биться съ врагомъ. Поплакалъ онъ на прощаньѣ. // Есть и о чемъ: жена у него молодая, // Сынъ по девятому году, парень отмѣнный <...> (25—28).* Подобно Одиссею, Горев оставляет дома *молодую жену* (νύμφη νέη) и сына (παῖς), Пенелопу и Телемаха (ср. Od. XI, 447—450), и отправляется на войну, затянувшуюся, как осада Трои, на десять долгих лет: <...> *На десять лѣтъ война <...>* («Инвалид Горев», 10; ср. П. II, 308—330; Od. V, 106—107; и др.)³⁸. Судьба Макара — недаром Горев — оказалась горше других: пленным он был угнан во Францию, а когда заключили мир, *многихъ оттолъ во свояси // Русскихъ услали. Забыли о бѣдномъ Макарь!* (57—58)³⁹. В этом Горев тоже походит на Одиссея, вернувшегося из-под Трои последним: *Все остальные в то время, избегнув погибели близкой, // Были уж дома, равно и войны избежавши и моря [I, 11—12; чуть ниже Афина корит Зевса за то, что тот забыл (λανθάνομαι) об Одиссее*⁴⁰.

Оба героя принуждены томиться и страдать на чужбине, оба мечтают вернуться в *милую землю родную* [φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν (П. II, 454; IV, 180; V, 687; VII, 460; IX, 414; XI, 14; XXIII, 145; Od. V, 37; XXIII, 340)]⁴¹: *Бѣденъ всякъ вдали отъ родины милой <...>* («Инвалид Горев», 59); <...> *Терпит, несчастный, он беды, от милых вдали <...>* («Одиссея», I, 49). Одиссей не захотел быть супругом нимфы Калипсо или волшебницы Цирцеи (Od. IX, 29—33; и др.): *Слаще нам нет ничего отчизны и сродников наших, // Если бы даже в дому богатейшем вдали обитали // Мы на чужой стороне <...>* (IX, 34—36). Горева не прельстила возможность сладкой жизни в дальнем краю: <...> *могъ бы тамъ поселиться, // Домъ завести и жену: позволяли; и денегъ // Дали бѣ казенныхъ на первый заводъ, но Макару // Тошно навѣкъ отъ святой Руси отказать, // Некрестей въ свѣтъ народить съ женой беззаконной* (72—76). У Горева, как у Одиссея, первая мысль — о родине, о же-

не и сыне: *Думаетъ: «Выросъ ли Одея, мой парень отмѣнный?» // Тужитъ: «Жива ли красавица Мавра Петровна?»* (77—78; ср. Od. I, 13; V, 209—210; XI, 174—179).

Так же как Одиссей, Горев сколько мог удерживал товарищей от святотатства: против воли участвуя в испанской кампании Наполеона, он не был *грѣшенъ въ кощунствѣ, // Не дралъ иконъ, не сквернилъ церковныхъ сосудовъ, // Даже другихъ унималъ не бояся насмѣшки <...>* (96—98). Среди своих спутников, покусившихся на священных коров Гелиоса (Od. I, 4—9; XII, 260—419), Одиссей был единственным, кому посчастливилось вернуться домой. Гореву тоже улыбнулась удача: *<...> Богъ милостивъ былъ, и вывелъ Макара // Жива здорова; немногихъ въ числѣ, какъ пришельцевъ, // До чиста смелъ съ земли своей полуостровъ* (103—105). Наконец, Зевс принял решение, *// Чтобы на родину был возвращен Одиссей многостойкий* (I, 86—87; V, 31). Решение о возвращении Горева принял французский король: *<...> Всѣхъ велѣлъ отыскать, снабдить и отправить // Въ родину: такъ возвратился Горевъ въ Россію* (160—161).

После десятилетних скитаний и Одиссей, и Горев оказались у себя дома. Первый *Многих людей города посетил и обычаи видел, // Много духом страдал <...>* («Одиссея», I, 3—4); второй *Видѣлъ не мало всего, а вытерпѣлъ болѣ <...>* («Инвалид Горев», 526; ср. Od. XVI, 205—206; и др.). Оба еще не стары: *Также годами не стар он, лишь бедами сломлен большими* («Одиссея», VIII, 137); *Не старъ еще: сорокъ // Съ чѣмъ-то* («Инвалид Горев», 163—164). Оба надеются на счастливую жизнь в кругу родных: *Съ ними я такъ заживу что горя не вспомню; // Буде же вспомнится прошлое, вдвое веселья* («Инвалид Горев», 167—168; ср. «Одиссея», XV, 400—401: *Радость даже в страданиях есть, раз они миновали, // Для человека, кто много скитался и вытерпел много*). Между тем того и другого домашние мысленно похоронили. По возвращении оба героя какое-то время остаются неузнанными — разница в том, что Горев сразу открывается жене: *Радость! узнай: я мужъ твой* (216), а Одиссей по совету Агамемнона (XI, 441—443) хранит свое прибытие в тайне. В близких выражениях Гомер и Катенин описывают встречу отца и сына: *Горев Заплакалъ, // Сталъ цѣловать въ уста и въ ясные очи;<...> // Сынъ съ почтеньемъ въ плечо* (254—256; ср. «Одиссея», XVI, 190—191, 213—214: *Сына он стал целовать. Покатились со щек его слезы // На землю; Телемах <...> Сердцем печалясь, отца обнимать благородного начал*)⁴².

Словно Одиссей, Горев в собственном доме очутился на положении гостя (ξεῖνος): *Макару диковина: въ гости // Просятъ домой!* (294—295); *Батюшка гость, а сестра половинщица въ домѣ* (326) ⁴³. Настойчивость, с какой это говорится, была позаимствована в «Одиссее»: *Хуже гостей, чем твои, Телемах, и найти невозможно! <...> гость твой — бродяга, нахально ко всем пристающий, // Жадный в еде и в питье <...>* (XX, 376—378; а также XVII, 345, 398, 522; XVIII, 233; XIX, 99; XX, 295, 305; XXI, 313—314; и др.). Одиссей поначалу прикинулся нищим (πτωχός): *Был похож Одиссей на старого нищего видом <...>* (XVII, 202 сл.; ср. XIV, 58; XVII, 18, 220, 337, 377, 475; XVIII, 403; XIX, 74; XXI, 327; и др.). Горевы домашние тоже сочли за нищего, и до поры до времени он принужден был это сносить: *Больно служивому; свекромъ сноха помыкаетъ: // «Нищимъ считаетъ солдата <...> уже мы и сладимъ!»* ⁴⁴ // *Быть покуда такъ <...>*» (303—306). На словах Одиссей готов за столом служить женихам Пенелопы: *Когда бы они победать мне дали, // Я бы им тотчас прислуживать стал, в чем они пожелают* (XV, 316—317). Второй Одиссей, Горев Блюда пошел носить со стряпухой Маланьей (343). Первую ночь в своем доме Одиссей провел в сенях: *Стал себе ложе готовить в сенях Одиссей богоравный. // Вниз воловью постлал недубленую шкуру, а сверху // Много овчин набросал от овец, женихами убитых* (XX, 1—3, 140—143). Гореву на ночлег пришлось отправиться на чердак: *Тутъ, устройвъ бивакъ средь кадокъ, боченковъ, // Хмѣлю, лопатъ, мѣшиковъ, рогожъ и веревокъ, // Спать ложась, вздохнулъ онъ. «Что же со мною // Будетъ?» <...>*» (376—379).

Сходство поэмы Катенина с гомеровским эпосом не исчерпывается устройством сюжета. «Инвалиду Гореву» присущи черты эпического стиля, в том числе подобие трафаретных стихов, постоянных эпитетов, ритмико-синтаксических клише и т. п.: *<...> Сынъ по девятому году, парень отмѣнный, // Умный, красавецъ, весь въ матушку Мавру Петровну* (28—29); *Думаетъ: «Выросъ ли Ѳедя, мой парень отмѣнный?» // Тужитъ: «Жива ли красавица Мавра Петровна?»* (77—78); *Лишь бы жива была Мавра Петровна, // Радость моя, да Ѳедя, парень отмѣнный, // Выросъ <...>* (164—165). Слова и выражения срastaются с метрической позицией: *Охнулъ Горевъ: «Красавица Мавра Петровна! <...>»* (197); *<...> Матушка, къ намъ!.. Пожалуйста, Мавра Петровна!* (213); *Спорить въ другомъ не хочу; но Мавры Петровны <...>* (228); *Карповъ рассказъ не радост-*

ный: «*Мавра Петровна <...>*» (271); *Я, да ундерѣ. Поручикѣ, его благородье <...>* (485); *<...> Нашѣ уговорѣ, а тамѣ, — знай его благородье* (585) и др. Конечно, все эти «клише» созданы Катениным ad hoc [ср., впрочем, традиционные *ясные очи* (245; Brown 1986, 229)], но по стилистической функции они эквивалентны эпическим формулам.

Как это ни парадоксально, «Инвалид Горев» близок к древнему эпосу по своему синтаксическому строю. У Катенина, как у Гомера, паратакис резко преобладает над гипотаксисом: из 389 предложений — сложноподчиненных лишь 39 (10,0%); на 613 стихов — 43 подчинительных союза, служащих выражению связи между частями сложного предложения. Немаловажно, что пристрастие к сочинительной и бессоюзной связи — это не коренная особенность катенинского синтаксиса, а стилистический прием, уместный hic et nunc: в первой песни поэмы-сказки «Княжна Милуша» (584 стиха; 1832—1833), несмотря на ее древнерусский и фольклорный антураж, из 148 предложений — 59 сложноподчиненных (39,9%⁴⁵). Еще одно общее свойство «Горева» и его высоких образцов — это почти полное отсутствие косвенной речи: на целую поэму Катенина — всего два невыразительных случая (стихи 178—179, 239—240), притом что персонажи постоянно говорят друг с другом — прямой речью наполнены 276 стихов поэмы (45,0%⁴⁶).

Есть в «Инвалиде Горева» характерные для народного эпоса преувеличения. Простые воины совершают неслыханные подвиги: *Видѣли мы чудеса; съ трудомѣ имѣ повѣрятѣ // Внуки* (18—19). Показателен эпический гиперболизм: *<...> Тутѣ легло людей что въ жатву колосьевѣ, // Кровь лилась что брага на свадебномѣ пирѣ* (47—48)⁴⁷. Оба сравнения находят соответствие в батальных сценах «Илиады»: *<...> кровью земля заструилась, // Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь, // Обе в долину единую бурные воды сливают <...>* (IV, 451—453; Fränkel 1921, 25—26; Moulton 1977, 44—45). Сравнение битвы с жатвой, а павших с колосьями встречается в «Илиаде» трижды: *<...> Воины так, как жнецы, устрояся друг против друга // Жать ячмень иль пшеницу на ниве богатого мужа, // Встречу бегут полосой <...>* (XI, 67—69); *<...> Скоро сердце людей пресыщается в битве убийством, // Где уже множество класов медь по земле разостлала; // Жатва становится скудной <...>* (XIX, 221—223); *<...> Быстро стираются класы мычащих волов под ногами, — // Так под Пелидом божественным твер-*

докопытные кони // *Трупы крушили <...>* (XX, 495—499; Fränkel 1921, 41—42; Сахарный 1976, 139, 152, 215). Наступление и отступление войск сравнивается с приливом и отливом: *<...> отъ моря // Бурнымъ приливомъ къ Москвѣ, и отливомъ къ Парижу* («Инвалид Горев», 13—14); *Словно ко берегу гремячему быстрые волны морские // Идут, грядя за грядою <...> Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув, // С громом о берег дробятся <...> Так непрестанно, толпа за толпою, данаев фаланги // В бой устремляются <...>* (IV, 422—428; ср. XV, 381—384; XVII, 747; XXI, 610—611; Fränkel 1921, 17—18, 31; Moulton 1977, 43). В отличие от развернутых «гомеровских сравнений» у Катенина сравнения сжаты, но точно такой же коллапс претерпевают у него сюжет «Одиссеи» и ее размер.

Многочисленные сентенции «Инвалида Горева» напоминают гомеровские гномы (γνώμαι) — изречения житейской мудрости (Arist., Rhet. II, XXI, 1394a): *Бѣденъ всякъ вдали отъ родины милой; // Горекъ хлѣбъ, кисло вино на чужбинѣ <...>* (59—60)⁴⁸; *Въ томъ и зло, что правый вравнѣ съ виноватымъ // Гибнетъ въ смутѣ войны и горячекъ мятежныхъ <...>* (100—101); *Злѣе нѣтъ болѣзни; чуму и холеру // Худо, а лѣчатъ, врачи: но кто же отъ скорби // Врачъ? Къ кому прибѣгнуть? Къ Господу Богу* (426—428); *Искони несчастье и разумъ // Вмѣстѣ свыклись, другъ не ходитъ безъ дружки: // Умъ и кличетъ бѣду и крѣпится бѣдою* (527—529) и т. п. (ср. Ahrens 1937, 12—93; Сахарный 1976, 196—202, 273—279). Влиянием Гомера обусловлена и лексико-стилистическая архаизация в описании наполеоновских войн: вне прямого соотношения с троянским эпосом и его гнедичевским переводом такие слова, как *сѣча* (10), *рать* (88, 126), *мечъ* (123), могли бы показаться анахронизмом: *<...> великія сѣчи, // Сходки на смерть безвѣстныхъ другу другу народовъ <...> Стали лицомъ к лицу противники в битву <...>* (10—11, 45); ср.: *<...> восставил он страшную сечу. // В бой обратились трояне и стали в лицо армянам <...>* (VI, 105—106; XI, 74, 213—214, 588—590; XIII, 383; XVI, 764; и др.)⁴⁹.

Напряженный интерес Катенина к Гнедичу — поэту и переводчику уже отмечался специалистами: так, по наблюдению А. Н. Егунова (1964, 250), лексика и фразеология «Ахилла и Омира» «носят следы близкого знакомства» с творчеством переводчика «Илиады» и автора «Рождения Гомера». Что же касается «Одиссеи», то ее Катенин читал и по-французски, и по-немецки, и по-гречески, а в сентябре — октябре 1833 г. даже перевел гексаметрами ее XXI песнь (к несча-

стью, перевод не сохранился)⁵⁰. Вряд ли нужно еще доказывать, что поэтика «Инвалида Горева» была в немалой степени ориентирована на гомеровский эпос⁵¹. При этом соотношение между «русским» и «античным» в поэме Катенина было обратным тому, что мы наблюдали в «Элегии»: «текст» и «подтекст» поменялись местами, и удивительно лишь, насколько глубже обычного оказался в катенинском «Улиссе» запрятан древнегреческий архетип.

3.3. Сюжет и стиль Гомера в «Инвалиде Гореве» были переосмыслены и кардинально трансформированы — закономерно, что аналогичной трансформации подвергся и Гомеров размер. В русской поэзии XVIII — начала XIX в. за гексаметром, прежде всего, закрепились не тематические, а жанровые коннотации (ср. Гаспаров 1979, 306; и др.). У древних, напоминал С. С. Уваров, «каждой родъ Поэзіи имѣть свой *размѣръ* <...> свой Геній и свой языкъ. Экзамеръ, (шести-стопной героической стихъ) предоставленъ Эпопеи» (Уваров 1813, 59—60). Другим «родомъ Поэзіи», присвоившим себе гексаметр, была в античности идиллия: «Поэмы, Идилліи, посланія и другія повѣствовательнаго и описательнаго рода стихотворенія древнихъ писаны симъ размѣромъ» (Остолопов 1821, 308; ср. Вацуро 1985, 111; Гаспаров 1986, 34). Эту же жанровую приуроченность — независимо от тематики стихотворений — сохранили и русские гексаметристы: «Древніе Эпики писали экзамеромъ; вопросъ: какъ ихъ переводить, кажется рѣшень. Искусные Критики доказали обязанность сохранить въ переводѣ сей классической размѣръ»; «<...> стихи другаго размѣра съ формою вмѣстѣ измѣняютъ и сущность разсказа» (Катенин 1822, 305; 1830, № 9: 71). Размером Гомера переводились не только эпические поэмы греков и римлян: «Илиада» (Тредиаковский, Муравьев, Гнедич, Петровский, Мерзляков, Жуковский), «Одиссея» (Тредиаковский, Крылов, Гнедич, Масальский, Жуковский), «Анналы» (Тредиаковский), «Энеида» (Тредиаковский, Воейков, Сомов, Шелехов, Ветринский, Жуковский⁵²), «Фарсалия» (Тредиаковский); не только эпические поэмы на античный сюжет: «Тилемахида» Тредиаковского и подражание ей у Сумарокова; не только написанные гексаметром поэмы на библейские темы: «Мессиада» (Муравьев, Востоков, Жуковский, Кюхельбекер, Савостьянов), «Искушение Авраамова» (Муравьев); но даже «Генриада» (Муравьев) и «Поэмы Оссиана» (Олин), оригинал которых никакого отношения ни к античной тематике, ни к гексаметру не имеет (ср. Радищев 1938, 353; Катенин 1822, 305; Дерюгин 1985, 64). Не иначе и с буколической музой: дактило-хореиче-

ским стихом с русским читателем говорили и Феокрит (Востоков, Гнедич), и Мосх (Попов, Масальский), и Вергилий (Муравьев, Рубан, Галинковский, Воейков), и немецкие поэты [«Бурия» Бриммера, «Луиза» Теряева, «Цефиз» Дельвига, возможно, «Роцца» Муравьева (Востоков 1817, 52; Кукулевич 1939б, 309 примеч. 1; Kažoknieks 1968, 172; Вацуро 1978, 124—127)], и авторы непереводаемых идилий.

У Катенина в «Ахилле и Омире» гексаметр — это размер эпический: дактило-хореическими шестистопниками передана речь Омира. В «Идиллии» размер мотивирован сколько темой, столько и жанром, к тому же вынесенным в заглавие. Но в остальных трех случаях тематических оправданий нет: в полиметрической композиции «Мстислава Мстиславича» гексаметрическая концовка должна, вероятно, символизировать «национальный вариант древнего эпоса» (Вацуро 1985, 111)⁵³; в «Дуре» выбор размера обоснован жанровым подзаголовком («Идиллия»); в автоэпитафии Катенина стих также подсказан антологическим жанром⁵⁴. Область применения пентаметра у Катенина иная — «Элегия». В древности этому жанру соответствовал элегический дистих, четные стихи которого были короче нечетных. Из современников Катенина элегическим дистихом элегии писал один Кюхельбекер (ср. Дерюгин 1985, 65)⁵⁵, однако тенденция к соединению более длинных строк с более короткими в русской элегии всё же чувствуется⁵⁶. Несвязанный пентаметр Катенина также был своеобразным аналогом элегического дистиха, в состав которого входит связанный пентаметр. Здесь уместно напомнить об элегическом дистихе Мерзлякова (1826, 28—34, 44—49, 278—283), включавшем в себя нерифмованные строки 6- и 5-стопного дактиля с женскими окончаниями.

Если жанровые значения русских размеров действительно соответствуют их античным эквивалентам, почему «Инвалид Горев» был написан не гексаметром, а пентаметром? Потому что русская «Одиссея» существенно отличается от древнегреческой: в ней нет гомеровской широты и плавности, события изложены сжато (вместо 24 песней — 613 стихов), эпическая завязка сменяется трагической кульминацией и драматической развязкой⁵⁷. Жанр ощутимо снижен: вместо греческих богов и царей в поэме действуют русские крестьяне⁵⁸. На многоумного и многохитрого Одиссея (πολύμητις, πολυμήχανος, πολύφρων и т. п.) Горев похож судьбой, но не характером: он доверчив и простодушен [*Не глупъ, а зѣло недогадливъ* (411)] — и потому неудивительно, что обманут. Пенелопа непрестанно льет слезы и горюет о пропавшем Одиссее (Od. I, 362 сл.; IV, 110 сл.; XI, 181—183; XVI, 37—39;

XVII, 102—104; XIX, 595—597, 602 сл.; XXI, 356—358; и др.) — Мавра Петровна *Вскорѣ слезы утерла; съ перваго лѣта // Въ села на праздники, въ городѣ на торгѣ разгулялась* (272 сл.). В греческой «Одиссее» корыстолюбивые «женихи» безуспешно домогаются Пенелопы (I, 247—250; II, 50 сл.; XVI, 124—127; и др.) — в русской «Одиссее» корыстолюбивая Пенелопа успешно добивается замужества: *Пузинъ дуракъ, а Мавра не дура, — в купчихи!* (283). В греческой «Одиссее» Телемах помогает отцу вернуться домой и спасти остатки имущества — в русской «Одиссее» Телемах, прибравший наследство к рукам, выживает отца из дому: <...> *Радости мало во всемъ; а горше, подѣ старость // Быть меньшимъ: и гдѣ жъ? въ родительскомъ домѣ* (416 сл.). Нетрудно заметить, что конфликт у Катенина отнюдь не идиллический (ср. Brown 1986, 330). Еще вынашивая замысел поэмы, автор «Инвалида Горева» писал Н. И. Бахтину в связи с идиллией Дельвига «Отставной солдат» (27.I 1830): «<...> я самъ замышлялъ стихотворенье, въ коемъ главнымъ лицомъ явился бы отставной солдатъ, только не Идиллія изъ того выходила» (Катенин 1911, 167). Не идиллия и не эпопея — а значит, гексаметр не годился. Но стоило Катенину выделить из поэмы идиллический эпизод («Дура»), и пентаметры «Горева» были тотчас переделаны в гексаметры.

Разумеется, смена размера имела наряду с жанровыми и чисто тематические причины. Смещение от классической древности в сторону русской современности нередко сопровождалось укорочением стиха на стопу. В «Рыбаках» (1821), рекомендованных читателю в качестве «перваго опыта Руской народной Идилліи» (Гнедич 1822, 22), автор воспользовался 5-иктным амфибрахией, хотя «Сиракузянок» Феокрита перевел в то же время гексаметром (ср. Кукулевич 19396; Вацуро 1978, 130; 1985, 111). «Отставной солдат» Дельвига (1829), также названный «Руской идиллией», написан 5-иктным ямбом, но размером почти всех «античных» идиллий у Дельвига был гексаметр (Вацуро 1978, 137)⁵⁹. Подобно этому Катенин поведал пентаметром о русском Одиссее, тогда как его греческий прототип был упомянут в гексаметрах: *Мене блуждал Одиссей, домогаясь родимой Ифаки* («Ахилл и Омир»). Эта замена гексаметра на пентаметр должна быть прочитана в контексте общего отказа от 6-стопного стиха в пользу 5-стопного в романтическом эпосе и драме⁶⁰: так, в частности, Катенин раньше других начал разрабатывать драматический 5-стопный ямб («Пир Иоанна Безземельного», 1820)⁶¹ и эпическую 5-стопную «окта-

ву» [«Княжна Милуша»; ср. переводы Катенина из Данте («Уголин», 1817; «Ад», песни I—III, 1827—1830), Ариосто («Октавы из „Бешеного Роланда“», 1822) и Тассо («Октавы из „Освобожденного Иерусалима“», 1822—1825); см. Матяш 1974, 7—8; 1987, 82—85; Вацуро 1978, 124—125; Гардзонио 1979, 162, 164, 168 примеч. 7, 8].

Налицо изоморфизм и гомология формы и содержания: тематическая, сюжетная, жанровая, метрическая переработка древнегреческих образцов шли рука об руку в одном и том же направлении. Катенин задумал малую эпопею — и в параллель сюжету несколько укоротил стих. Он задумал русскую эпопею — и взамен античного гексаметра создал оригинальный пентаметр. Он задумал крестьянскую эпопею — и вместе с персонажами поэмы опростился ее размер (не 16 ритмических вариантов, а 8). Наконец, Катенин задумал трагическую эпопею — и рост напряженности конфликта отозвался резкой контрастностью стихового ритма: если в гексаметре происходит сначала плавное усиление хорейности от I стопы к III, а затем плавное ослабление от III стопы к V, то в пентаметре экстремумы сталкиваются — от максимума хорейности на III стопе кривая вторичного ритма обрывается к минимуму на IV. Не верится, чтобы внутреннее подобие (μίμησις) формальной и семантической деривации, обеспечивающее скрытую, но действительную иконичность стихового знака, было свойственно одному «Инвалиду Гореву» — Катенин, во всяком случае, считал историческое соответствие синтактики и семантики универсальным законом литературы: «Въ каждомъ вѣкѣ и народѣ появлялись, сами собою, или въ подражаніе, новыя формы стихотвореній; нѣкоторыя остались, другія исчезли, многія еще могутъ возродиться. Онѣ важны не собственно по себѣ, а по связи своей съ содержаніемъ; съ измѣненіемъ его, долженъ измѣниться и наружный видъ» (1830, № 4: 31).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда «Культурная инициатива».

² В XVIII — первой половине XIX в. единственным русским поэтом, не соблюдавшим этого правила, был, по всей видимости, Дельвиг: в каждом из шести гексаметрических произведений, включенных в его «Стихотворения» (1829), есть один или два стиха, в которых последний междуиктовый промежуток оказывается односложным; всего таких строк в сборнике 1829 г. — 1,7% (ср. В. 1829, 12—13). С известными

оговорками хорей в пятой стопе допускал Тредиаковский в «Тилемахиде» [приблизительно 0,2% строк (ср. Тредиаковский 1752, I: 112—113)]. В первой редакции перевода XI песни «Илиады» в качестве ритмического курсива эту форму использовал Гнедич: «Въ пятой стопѣ Спондей или Хорей <...> древнїе употребляли съ большою красотою для выраженїа медленныхъ дѣйствїй» (Гнедич 1815а, № XLV: 265). У других поэтов стихи указанной формы не встречаются или являются прямыми отступлениями от нормы (ср. Бонди 1978, 333; Вурги 1954, 127).

³ Исключение составляют три стиха поэмы — 235-й, 291-й и 454-й: в них первому ударному слогу предшествует безударный. В 235-м стихе (<...> *Воскликнулъ: «Взялъ жену отъ мужа живаго! <...>»*) — возможна конъектура *вскликнулъ*. Такой фонетический вариант — не редкость в стихотворном языке XVIII — начала XIX в.: <...> *И вскликнулъ соловей <...>* (Державин, «Утро», 1800; см. СРЯ, 77). «Инвалид Горев» здесь и далее цитируется по первому и единственному прижизненному изданию (Катенин 1836).

⁴ Из размера выпадает 92-й стих: <...> *Бѣйся на смерть, а не за матушку Русь, а ужъ Богъ вѣсть // За что!* Трехсложный промежуток между иктами, некоторая неловкость фразы и нелепое, явно не авторское ударение над союзом позволяют предположить, что при наборе имело место неправильное чтение: <...> *Бѣйся на смерть не за матушку Русь, а ужъ Богъ вѣсть // За что!*

⁵ Две строки — 227-я и 353-я — имеют по четыре стопы.

⁶ В. Н. Орлов — и не он один — ошибочно отождествлял его с гексаметром (1937, 31; 1954, 48; Сперанская 1971; ср. Илюшин 1966, 216; 1988, 57).

⁷ Полный перевод I песни «Энеиды» и фрагмент из II песни (Ветринский 1820; 1821) настолько несходны по форме, что рассматриваются как два независимых произведения.

⁸ Приведенный в таблицах коэффициент ритмической инерции (к. р. и.) определяется числом границ между изоритмичными строками, поделенным на общее число стиховых границ в произведении; коэффициент ритмической безударности (к. р. б.) — числом пропусков схемного ударения, поделенным на количество строк; коэффициент ритмической ударности (к. р. у.) — числом сверхсхемных ударений, также поделенным на общее количество строк (данные приводятся в процентах). Курсивом набрано количество строк в произведениях, которые подверглись статистическому обследованию не целиком: в «Тилемахиде» были выбраны для анализа первые 50 стихов из каждой нечетной песни и последние 50 из каждой четной; в окончательной редакции «Илиады» рассмотрены все стихи, соответствующие тем фрагментам ранней редакции, которые Гнедич взял для предварительной публикации (выборка А); в контрольных целях проанализировано по 50 строк из начала каждой нечетной песни и по столько же — из конца каждой четной (выборка В); из перевода «Луизы» Фосса взято по 75 строк из начала и из конца каждой идиллии.

⁹ Примером такого логазда может служить вторая песня Ундины из XI главы поэмы Жуковского (Бонди 1978, 334; Гаспаров 1990, 331).

¹⁰ Фрагменты первой редакции публиковались с 1813 по 1827 г. [см. Гнедич 1813б; 1815а; 1815б; 1816; 1817а; 1817б (то же — 1818б); 1818в; 1818г (с исправлением по-

грешностей, допущенных в предыдущей публикации); 1820; 1823; 1825; 1826; 1827]. Отрывок из XVIII песни (Гнедич 1829) совпадает с текстом отдельного издания, вышедшим в том же году.

¹¹ См.: РГБ, ф. 298.IV (М. Н. Муравьев), № 53.56, л. 70; ср. неточную транскрипцию первой строки фрагмента (Алехина 1990, 63).

¹² См.: РГБ, ф. 298.IV, № 53.56, л. 97 об., 62 об.

¹³ А. М. Песков (1989, 456) ссылается на несуществующее двухтомное издание «Эклог и Георгик» в переводе Воейкова, якобы выпущенное в 1816—1817 гг.

¹⁴ Приведу здесь этот отрывок полностью (см.: РГБ, ф. 298.IV, № 53.56, л. 62):

Ходить пастися въ дремучемъ лѣсу прекрасна телица:
Горды вокругъ волы съ великой буйностью бьются.
Частыя раны дая; тѣла кровь мрачная моетъ:
И вонзаются обращенныя роги со стономъ
Яростнымъ: стону лѣса и небо отвѣтствуютъ ревомъ.
А вражда не могутъ вмѣстѣ пастись<,> и единой,
Побѣжденной отходить и долго живеть въ заточеньѣ<.>

¹⁵ Помимо «Тилемахиды», трех фрагментов из «Аргениды» (Тредиаковский 1751, I: 106—108, 226—227, 389—390) и трех стихотворений из «Сочинений и переводов» (Тредиаковский 1752, II: 218—220, 223—224, 231—235), были обследованы все отрывки из античных авторов (Гомера, Энния, Вергилия, Горация, Лукана, Ювенала и др.) длиной от 1 до 11 стихов, переданные гексаметром и включенные в переводы «Древней» и «Римской истории» (Тредиаковский 1760, 303 примеч. б; 1761, I: XXVII, XXXVII примеч. а, 53, 121, 260 примеч. а; 1762, III: VI, 53 примеч. а, 69, 137, 180, 234; IV: с. Б, 100, 104, 271, 272; 1763, V: 35, 181, 297, 298, 346; VII: XIII—XIV, XXXI, XXXII, 144; VIII: 168 примеч. а, 221 примеч. а; 1764, IX: 32 примеч. а, 61 примеч. а, 160 примеч. а, 237—238 примеч. а; X: 189 примеч., 253 примеч. а; XI: XXXV, 339 примеч. а; 1765, XII: XXXVII, 72 примеч. а, 186—187 примеч. а, 304 примеч. а; XIII: 213 примеч. а, 235—236 примеч. а, 304; XIV: 35 примеч. а, 108—109 примеч. а, 294 примеч. а, б, 296 примеч. а, 320 примеч. а; 1766, XV: 66 примеч. а, 111 примеч. а, 241 примеч. а, б, 265 примеч. а, 312 примеч. а; 1767, XVI: 20 примеч., 31 примеч. а). Из подсчетов был исключен нечетный стих элегического дистиха из Овидия (1765, XIV: XLII примеч. а) и «случайный» (?) гексаметр в переводе из Плутарха (1762, III: 180 примеч. а).

¹⁶ Помимо «Пряслицы» и «Отрывка из Вергилиевых Георгик», у Востокова обследованы перевод из Клопштока и стихотворение «К дочерям Премудрости» (см. Востоков 1803; 1814).

¹⁷ Фрагменты Муравьева и Перевошикова в данном случае — не в счет.

¹⁸ Ср.: «<...> коли объ экзаметрахъ разсуждать, то не сказать ли, что многіе изъ русскихъ нѣсколько тѣмъ не нравились слуху, что сей размѣръ легко впадаетъ въ два порока разные, но равно неприятыя: тяжесть, либо вялость прозаическая; одна произходить отъ неумѣнья стихи разнообразить искуснымъ смѣшеньемъ дактилей и хореевъ въ первыхъ четырехъ стопахъ; другое отъ переноса или перехода со смысломъ изъ

стиха въ стихъ <...> и отъ невѣрнаго <...> употребленія короткихъ за долгія и долгихъ за короткія слоги» (Катенин 1911, 188 сл.).

¹⁹ Ср. Гаспаров 1975, 381, где эта форма указана как отсутствующая. Кроме того, в «Мессиаде» стихов XVI формы не 3, а 4 (43-й, 49-й, 91-й и 118-й). К сожалению, в данных М. Л. Гаспарова есть и другие неточности.

²⁰ Размер этого стихотворения был распознан А. А. Илюшиным (1986).

²¹ Интересно, что низкий показатель, превращающий кривую в почти прямую, в данном случае нельзя объяснить низким содержанием хореев: на каждой стопе их около 10% (8,3—10,0%).

²² В первом издании опечатка: *населяющѣи*.

²³ Перевод из Персия, который А. А. Дерюгин (1985, 64) ошибочно квалифицирует как рифмованный гексаметр, был выполнен 7-стопным хореем с цезурным усечением на IV стопе (см. Тредиаковский 1761, I: 143). Надо признать, что и в значительно более поздних рифмованных гексаметрах Пушкина («Несчастье Клиты», 1813) правильнее было бы видеть логаяд: два дактиля — хорей — два дактиля — хорей (ср. Бонди 1978, 335—337; Burgi 1954, 145; Лотман, Шахвердов 1979, 235; Гаспаров 1990, 336; а также Измайлов 1820). Клопшток, впрочем, предлагал рифмовать гексаметры еще в середине 1750-х годов (Wackernagel 1831, 67—68).

²⁴ Теоретически смешение анапеста с ямбом допускал еще Ломоносов (1952, 14).

²⁵ Анапесто-ямбические фрагменты встречаются в «Аргениде» четыре раза (по два случая на каждый размер), но протяженность их неодинакова: гексаметры занимают 94 строки (Тредиаковский 1751, II: 17—20, 343—344), пентаметры — 40 строк (Тредиаковский 1751, II: 33, 389—390).

²⁶ Ради удобства использована классификация форм дактило-хорейческого гексаметра; индекс указывает на протяженность анакрусы.

²⁷ Ср. идиллию В. Панаева «Ламон» (в поздней редакции — «Идас»): в ней 5-стопный амфибрахий с мужской клаузулой регулярно чередуется с 5-стопным анапестом с женской клаузулой; в размер не укладываются две строки с односложным междуктовым интервалом (см. Панаев 1818).

²⁸ Весьма вероятно, что Тредиаковский сам опирался на достижения немцев: гексаметры с амфибрахическим зачином появились в Германии как раз в 1740-х годах.

²⁹ РГБ, ф. 298.IV, № 53.56, л. 75.

³⁰ Амфибрахо-ямбический гексаметр выступал также в составе смешенных размеров, например в стихотворении Жуковского «К Филону» (1813), логаядическая строфа которого складывается из трех строк V формы амфибрахо-ямбического гексаметра и строки 4-стопного дактиля с мужским окончанием. Чрезвычайно близкую структуру имеют строфа дельвиговского послания «К Лилете» (три амфибрахо-ямбических гексаметра I или IV формы плюс 3-стопный гипокатаlecticкий амфибрахий; один стих неправильный; см. Дельвиг 1814) и строфа стихотворения Кюхельбекера «Отомщенный Геркулес» (три амфибрахо-ямбических гексаметра I, II, III или V формы плюс 4-стопный акатаlecticкий дактиль; один стих неправильный; не позднее 1818); все 4 стихотворения насчитывают по 3 строфы. Ср. стихотворения Дельвига «К Диону» (1814) и «Хата» (1815), в каждой строфе которых три дактило-хорейческих гексаметра.

тра сочетаются с 3-стопным дактилем (Дельвиг 1814а), и «Осень» (1816), «Осеннее утро» (1816) и «Зиму» (1816 или 1817) Кюхельбекера, строфа которых строится из трех гексаметров и 2-стопного дактиля.

³¹ Ср. также «Счастье» Жуковского (1809; 64 стиха), в котором неурегулированно чередуются 5- и 6-иктные амфибрахии с женским окончанием (70,3% и 29,7% соответственно).

³² Скопление спондеев — это излюбленный ритмический ход Воейкова (Востоков 1817, 57; Остолопов 1821, 331—333; Burgi 1954, 92—93, 110—111); ср. пародирование этого приема в «Послании к Издателю *Благонамеренного*» (Ανονίμος 1820б, 301).

³³ Дактило-хореические и амфибрахо-ямбические гексаметры намеренно перемешаны также в переводе Джунковского из «Одиссеи» (1840; см. Егунов 1964, 339—342).

³⁴ 29 сентября 1835 г. Катенин извещал Н. И. Бахтина, что работает над большой поэмой: «При семь прилагаемая *Дура* была сперва въ ней, какъ эпизодъ, но я разсуждалъ, что онъ отвлечетъ вниманіе отъ главнаго дѣйствія, и переиначилъ; а какъ мнѣ не хотѣлось его потерять, то округлил и пускаю отдѣльно» (Катенин 1911, 232).

³⁵ Четные (мужские) стихи «Надгробия» отличаются от пентаметров обычного элегического дистиха: вместо нулевых интервалов между III и IV иктами в них безударный слог (Гаспаров 1990, 335). Другая особенность «Надгробия» — рифма: связывать ею двустипшия рекомендовал ТрEDIAKовский (см. § 2.1).

³⁶ Размер «Горева» назван здесь 5-иктным дольником. Этого недостаточно: поэма написана белым 5-иктным дольником с нулевой анакрусой, женским окончанием и постоянным двусложным интервалом между IV и V иктами.

³⁷ В первом издании после слова *солонa* стоит запятая.

³⁸ С падением Трои взятие Парижа сравнивал Востоков (1814а, 118; см. также Егунов 1964, 212):

И вождь Царямъ противу новой Трои,
Стократъ достойнѣе, стократъ славнѣй
Ты покорилъ ее. Самъ ратны строи
Ведя на брань, средь тысячи смертей <...>

Пентаметром о Троянской войне Катенин писал в своей древнегреческой родословной: <...> *Двое, братья родные, под Трою ходили <...>* («Элегия»).

³⁹ Имя и фамилия героя вместе составляют оксюморон: греческое μάκαρ значит 'блаженный, счастливый' (Moulton 1974, 390—391). В II. XI, 68 ἀνδρὸς μάκαρος Гнедич перевел: *богатаго мужа*; этот аспект межъязыкового оксюморона выявлен в словах о бѣдномъ *Макарѣ* (58).

⁴⁰ «Одиссея» здесь и далее цитируется в переводе В. Вересаева.

⁴¹ В переводе Жуковского: <...> *В милую землю отцов <...>* (V, 38). В «Одиссее» эта формула *par excellence* употребляется без эпитета φίλη (V, 42, 115; VI, 315; VII, 77; IX, 533; X, 474; XV, 129; и др.), но зато определение φίλη не раз встречается в «Илиаде».оборот φίλην ἐς πατρίδα γαίαν Гнедич передает словами *в любезную землю родную* [ср. φίλην ἐς πατρίδα] = *к отчизне любезной* (II. IX, 428, 691; XII, 16); φίλης ἀπὸ πατρίδος αἴης = *далеко от родины милой* (II. II, 162, 178; а также

Od. XIX, 461—462; Егунов 1964: 373)]. С другой стороны, в русском поэтическом языке начала прошлого века сочетание *милая (любезная) родина* могло осознаться и как семантический латинизм: так, по поводу собственного перевода из Парни (<...> *Места отчизны, милый край!*) Батюшков писал Гнедичу (13.III 1811): «Этого нет в оригинале, но напоминает о Virгилиевом *dulcis patria*» (Батюшков 1989, 158; Ка-
 žoknieks 1968, 128).

⁴² Кстати, Телемах и Федор Макарович приблизительно одного возраста: к моменту встречи с отцом каждому около двадцати лет (Od. IV, 112, 144—145; «Инвалид Горев», 28).

⁴³ Ср.: *А что же ты, дядя, // Руки поджалъ какъ гость?*² (335—336).

⁴⁴ В первой публикации: *исладимъ*.

⁴⁵ У Гнедича в I песни «Илиады» — 33,2% (ср. Кукулевич 1939а, 63—65).

⁴⁶ В «Илиаде» прямая речь занимает еще больше места — около 67% (Fenik 1978, 68 и далее; ср. Bassett 1938, 62—64).

⁴⁷ «Илиада» здесь и далее цитируется в переводе Гнедича.

⁴⁸ Ср.: *Tu proverai si come sa di sale // lo rape altrui <...> = Узнаешь ты, как в чужом хлебе соли // Много <...>* (Paradiso XVII, 58—59; пер. А. Илюшина).

⁴⁹ Ср. также: *Сеча была б, совершилось бы невозвратимое дело <...>* (VIII, 130) — *<...> въ Кульмѣ <...> великое дѣло // Дѣлалось <...>* («Инвалид Горев», 130—131). Сражение при Кульме Катенин воспел не только пентаметром, но и гексаметром: *<...> В Кульме бился на смерть, но судьба его пощадила <...>* («Павел, сын Александров...»).

⁵⁰ 14 сентября 1833 г. Катенин просил Н. И. Бахтина привезти ему «греческій словарь и грамматику, и греческую Одиссею, и третій томъ Одиссеи фр<анцузской> Г-жи Дасье, безъ коей боюсь во тьмѣ заблудиться» (Катенин 1911, 200—201, ср. 45, 177). Всю вторую половину сентября и начало октября Катенин информировал Бахтина о том, как подвигается работа над переводом, а 10 ноября 1833 г. отправил ему готовую рукопись XXI песни «Одиссеи» (Катенин 1911, 205, 206, 209, 214). Видимо, тогда же через А. Н. Оленина Катенин передал свой перевод на отзыв С. С. Уварову; позднее Катенин лично просил Уварова откликнуться на перевод идиллии Феокрита «Геракл — убийца льва» [см. черновое письмо Катенина Уварову, без даты; РГАЛИ, ф. 1833 (П. А. Катенин), оп. 1, ед. хр. 2, л. 1—1 об.]. В «Размышлениях и разборах» Катенин признавался, что ему Феокритов «*Иракль* живо напоминает *Одиссею*» (1830, № 11: 88).

⁵¹ Ср. противоположное мнение (Brown 1986, 330).

⁵² С. И. Панов ошибается, когда утверждает (1989, 438), что впервые «Энеиду» гексаметром начал переводить Ветринский.

⁵³ Ср. письмо Катенина Н. И. Бахтину от 9 марта 1823 г.: «Сынъ Отечества уже увѣдомилъ меня о переводѣ Жуковскимъ второй пѣсни Енеиды: я опоздалъ. Хотѣлъ бы очень прочесть ее, да не знаю гдѣ достать, и не многого жду. Къ слову объ экзаметрахъ, упомянули ли Вы о моихъ въ Мстиславѣ?» (Катенин 1911, 38; ср. также Сомов 1819; Шелехов 1820; Ветринский 1820; 1821).

⁵⁴ Ср. также «Надгробие», в котором чередуются «гексаметры» с женскими и мужскими окончаниями. В русской традиции размером эпитафий элегический дистих стал уже у Тредиаковского (Дерюгин 1985, 60, 64).

⁵⁵ Ср., например: *Сладкий глагол элегической, нежно тужащей камены, // Ты, о Тибуллов размер, о вожделеннейший стих <...>* («Закуп», 1823); см. также «Элегию» (1817), «Сократизм» (1817), «Отчизну» (1817), «Memento mori» (1817), «Ночь» (между 1818 и 1820), «Элегию» (1820), «Седой волос» (1820) и мн. др.

⁵⁶ Среди 220 элегий 1801—1840 гг. (см. Фрирман 1991) неравностоящими строчками написано 84 произведения (38,2%) — это почти на 10% больше среднестатистической нормы (ср. Гаспаров 1974, 46—47). Гексаметр встретился лишь единожды — в «Сельском кладбище» Жуковского («Второй перевод из Грея», 1839).

⁵⁷ В этом «Инвалид Горев» ближе к «Илиаде», чем к «Одиссее» (ср. Bassett 1938, 60—61; Tait 1943; Лосев 1960, 189—201; Ronnet 1963; Сахарный 1976, 79—86; и др.). Проблема «драматизации» эпических жанров занимала Катенина всегда: «<...> *Θιβαида* болѣе трагедія, нежели эпопея <...>»; Данте не дал своему творению «инаго названія, какъ комедія, желая выразить, сколько она ниже *Виргиліевой* высокой трагедіи (*Энеиды*)» (1830, № 21: 167; № 40: 29).

⁵⁸ Ср. «Shakespeares Schatten» Шиллера в переводе Катенина:

— «Как! и на зрелищах ваших Кесарь не смеет явиться!
Нет Андромахи на них! согнан Ахилл и Орест!»
— «Все; любимые лица: пастор, торговый советник,
Юнкер, или секретарь, либо гусарский майор».

Разговор Шиллера с «тенью Шекспира» пародирует разговор Одиссея с тенью Геракла (Od. XI, 601—626; Ермакова-Битнер 1965, 694—695).

⁵⁹ Ср. суждение анонимного рецензента: «Русская Идиллія Барона Дельвига станеть на ряду съ Идиллією: *Рыбаки*, Н. И. Гнѣдича, и есть конечно одно изъ лучшихъ его произведеній» (*Московский Телеграф*, 1830, ч. XXXI, № 1, 82; ср. также Kažoknieks 1968, 182—186, 189—191, 204 и др.; Вацуру 1978, 128—131, 136—137 и др.). На соседней странице говорится об «Элегии»: «<...> предлинно-кованные стихи Г-на Катенина <...>».

⁶⁰ Ср. в связи с этим пародийное использование гексаметра в драматическом стихе (Ανοῦϊος 1820б, 302—305).

⁶¹ Ср., однако, стих трагедии В. Нарезного «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова» (1799), перевод первых явлений Гетевой «Ифигении в Тавриде» (А. Востоков; 1810) и «Орлеанскую деву» Жуковского (1817—1821).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алехина, Л. А.: 1990, 'Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей', *Записки отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина*, Москва, вып. 49, 4—87.
- Байбаков, А.: 1774, *Правила питические в пользу юношества...*, Москва.

- Барков, И.: 1762, Л. Лазарони, *Мир Героев: Драма на музыке...*, Перевод И. Баркова, С.-Петербург.
- Батюшков, К. Н.: 1989, *Сочинения: В 2 т.*, Москва, т. 2: Из записных книжек; Письма.
- Бонди, С.: 1978, 'Пушкин и русский гекзаметр' [1943], С. Бонди, *О Пушкине: Статьи и исследования*, Москва, 310—371.
- Бриммер, В.: 1818, 'Буря: Идиллия: (Подражание Геснеру)', *Соревнователь Просвещения и Благотворения*, ч. II, № 6, 388—393.
- В.: 1829, '[Рецензия на книгу]: Стихотворения Барона Дельвига, С.-Петербург 1829', *Московский Вестник*, ч. VI, 7—16.
- Вацуро, В. Э.: 1978, 'Русская идиллия в эпоху романтизма', *Русский романтизм*, Ленинград, 118—138.
- Вацуро, В. Э.: 1985, 'Из разысканий в области русской романтической поэтики', *Теория и история литературы: (К 100-летию со дня рождения академика А. И. Белецкого)*, Киев, 109—116.
- Ветринский, И.: 1820, *Виргилиевой Энеиды песнь первая*, С Латинского подлинника в стихах и в метре подлинника Переведенная И. Ветринским, С.-Петербург.
- Ветринский, И.: 1821, 'Речь Синона: (Из II кн<иги> Виргилиевой Энеиды)', [Перевод И. Ветринского], *Благонамеренный*, ч. XV, № XII, 9—12.
- Вишневский, К. Д.: 1969, 'Становление трехсложных размеров в русской поэзии', *Русская советская поэзия и стиховедение: (Материалы межвузовской конференции)*, Москва, 207—217.
- Вишневский, К. Д.: 1972, 'Русская метрика XVIII века', *Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. Серия филологическая*, т. 123, 129—258.
- Воейков, А.: 1814, 'Отрывок из Виргилиевых Георгик', [Перевод А.Воейкова], *Вестник Европы*, ч. LXXIV, № 7, 204—208.
- Воейков, А.: 1815, 'Отрывок из Виргилиевых Георгик', [Перевод А.Воейкова], *Вестник Европы*, ч. LXXXII, № 16, 241—250.
- Воейков, А.: 1816/1817а, 'Отрывки из Виргилиевых Георгик', [Перевод А.Воейкова], *Вестник Европы*, 1816, ч. LXXXVII, № 9, 3—11; № 10, 81—91; № 11, 169—181; ч. LXXXIX, № 19/20, 192—200; ч. XC, № 21, 3—10; № 23/24, 161—169; 1817, ч. XCI, № 4, 246—262; ч. XCIV, № 13, 21—26.
- Воейков, А.: 1817б, 'Виргилиевой Енеиды Песнь первая', [Перевод А.Воейкова], *Вестник Европы*, ч. XCII, № 7, 161—187.
- Воейков, А.: 1821а, 'Палемон. III. Виргилиева Эклога', [Перевод А.Воейкова], *Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской Словесности*, ч. XIII, № III, 252—266.
- Воейков, [А.]: 1821б, 'Виргилиева Эклога V: Дафнис', [Перевод А.Воейкова], *Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской Словесности*, ч. XV, кн. III, 325—331.

- Востоков, А.: 1803, 'Мессиада<-> Песнь V: от 1 стиха до 148: (опыт дактилохорейческого эксамetra)', [Перевод А. Востокова], *Свиток муз*, С.-Петербург, кн. II, 106—119.
- Востоков, А.: 1814а, 'Государю Императору Александру Павловичу на возвращение Его Императорского Величества в Россию по заключении всеобщего мира', *Сын Отечества*, ч. XV, № XXIX, 118—119.
- Востоков, А.: 1814б, 'К дочерям Премудрости', *Сын Отечества*, ч. XII, № IX, 104—105.
- Востоков, А.: 1817, *Опыт о Русском стихосложении*, Издание 2-е, значительно пополненное и исправленное, С.-Петербург.
- Галинковский, Я.: 1813, [Вергилий], 'Эклога первая', [Перевод Я. Галинковского], *Чтение в Беседе Любителей Русского слова*, чтение 10, 127—134.
- Гардзонио, С.: 1979, 'Роль Катенина в становлении русского метрического эквивалента итальянского эндекасиллаба', *La traduzione litteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo*, Milano, 159—171.
- Гаспаров, М. Л.: 1974, *Современный русский стих: Метрика и ритмика*, Москва.
- Гаспаров, М. Л.: 1975, 'Продром, Цец и национальные формы гексамetra', *Античность и Византия*, Москва, 362—385.
- Гаспаров, М. Л.: 1979, 'Семантический ореол метра: (К семантике русского трехстопного ямба)', *Лингвистика и поэтика*, Москва, 282—308.
- Гаспаров, М. Л.: 1984, *Очерк истории русского стиха: Метрика; Ритмика; Рифма; Строфика*, Москва.
- Гаспаров, М. Л.: 1986, 'Перевод Пушкина «Из Ксенофана Колофонского»', *Временник Пушкинской комиссии: Сборник научных трудов*, Ленинград, вып. 20, 24—35.
- Гаспаров, М. Л.: 1990, 'Дериваты русского гексамetra: (О границах семантического ореола)', *Res philologica. Филологические исследования: Памяти академика Г. В. Степанова*, Москва — Ленинград, 330—342.
- Глинка, Ф.: 1817, 'Совет Юноше', *Сын Отечества*, ч. XLI, № XLIII, 183—184.
- Глинка, Ф.: 1818а, 'Бедность и Труд: (Народная сказка)', *Сын Отечества*, ч. XLIII, № III, 110—116.
- Глинка, Ф.: 1818б, 'Приход и расход денег', *Соревнователь Просвещения и Благотворения*, ч. I, № 2, 268.
- Глинка, Ф.: 1818в, 'Три брата искатели счастья: Сказка', *Соревнователь Просвещения и Благотворения*, ч. I, № 2, 259—267.
- Глинка, Ф.: 1820, 'Суд Божий: (Народный рассказ)', *Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской Словесности*, ч. XI, кн. VII, 85—88.
- Глинка, Ф.: 1821, 'Гроза: (Идиллия)', *Сын Отечества*, ч. LXVII, № III, 129—131.
- Гнедич, [Н.]: 1813а, 'Ответ [на письмо С. С. Уварова о греческом гексаметре]', *Чтение в Беседе Любителей Русского слова*, чтение 13, 69—72.
- Гнедич, Н.: 1813б, 'Илиада. Песнь VI': [Отрывки, Перевод Н. Гнедича], *Чтение в Беседе Любителей Русского слова*, чтение 13, 73—86.

- Гнедич, Н.: 1815а, 'Илиада. Песнь XI', [Перевод Н.Гнедича], *Сын Отечества*, ч. XXV, № XLIV, 217—229; № XLV, 251—266; ч. XXVI, № XLVI, 13—24.
- Гнедич, Н.: 1815б, 'Отрывки из Илиады'. [Песни XXIII и XXIV, Перевод Н.Гнедича], *Вестник Европы*, ч. LXXIX, № 1, 20—34.
- Гнедич, Н.: 1816, 'Илиада: Отрывки из II песни', [Перевод Н.Гнедича], *Вестник Европы*, ч. XXXI, № XXVII, 22—28.
- Гнедич, Н.: 1817а, 'Отрывок из I-ой песни Илиады', [Перевод Н.Гнедича], *Северный Наблюдатель*, ч. I, № 5, 154—161 (подпись: Н. Г—чь).
- Гнедич, Н.: 1817б, 'Илиада. Песнь I. Распря Вождей', [Перевод Н.Гнедича], *Труды Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете*, ч. VII, 3—21 (2-й пагинации).
- Гнедич, Н.: 1818а, 'Замечания на Опыт о Руском стихосложении г-на В., и нечто о Прозодии древних', *Вестник Европы*, ч. XCIX, № 10, 99—146; № 11, 187—221.
- Гнедич, Н.: 1818б, 'Распря Вождей: Отрывок из первой песни Илиады', [Перевод Н. Гнедича], *Сын Отечества*, ч. XLIII, № I, 26—30; № II, 66—74.
- Гнедич, Н.: 1818в, 'Илиада. Песнь III: Поединок Париды с Менелаем', [Перевод Н. Гнедича], *Труды Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете*, ч. X, 20—41 (2-й пагинации) (подпись: Г—чь).
- Гнедич, Н.: 1818г, 'Поединок Париды с Менелаем: (Илиада. Песнь III)', [Перевод Н. Гнедича], *Сын Отечества*, ч. XLVII, № XXIX, 127—134; № XXX, 175—182.
- Гнедич, Н.: 1820, 'Подвиги Диомеда и его битва с Энеем: (Отрывок из V песни Илиады)', [Перевод Н. Гнедича], *Сын Отечества*, ч. LXV, № XLV, 226—230; № XLVI, 266—271; ч. LXVI, № XLVII, 29—38.
- Гнедич, Н.: 1822, 'Рыбаки: Идиллия', *Сын Отечества*, ч. LXXXVI, № VIII, 22—38 (подпись: Н. Г—чь).
- Гнедич, Н.: 1823, 'Отрывок из IX песни Илиады: Посольство к Ахиллесу', [Перевод Н. Гнедича], *Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею*, ч. VII, 23—43.
- Гнедич, Н.: 1825, 'Илиада. Песнь XIX: (Отрывок)', [Перевод Н.Гнедича], *Полярная Звезда: Карманная книжка на 1825 г.*, С.-Петербург, 263—270.
- Гнедич, Н.: 1826, 'Пояс Киприды: Отрывок из XIV песни Илиады', [Перевод Н. Гнедича], *Северные Цветы на 1826 год*, С.-Петербург, 68—82 (2-й пагинации).
- Гнедич, Н.: 1827, 'Ристание на колесницах, в котором Диомед остается победителем: (Отрывок из XXIII Пес<ни> Илиады)', [Перевод Н. Гнедича], *Памятник Отеческих Муз, изданный на 1827 год*, С.-Петербург, 162—171.
- Гнедич, Н.: 1829, 'Щит Ахиллесов: (Отрывок из Илиады)', [Перевод Н.Гнедича], *Московский Телеграф*, ч. XXI, № 18, 180—183.
- Гнедич, Н. И.: 1956, *Стихотворения*, Ленинград.
- Дельвиг, А.: 1814, 'К Лилете', *Вестник Европы*, ч. LXXVIII, № 22, 97—98 (подпись: —Д—).

- Дельвиг, А.: 1829, *Стихотворения Барона Дельвига*, С.-Петербург.
- Дельвиг, А.: 1830, 'В третьем номере Московского Вестника...', *Литературная газета*, т. I, № 16, 129—130 (без подписи).
- Дерюгин, А. А.: 1985, *В. К. Тредиаковский — переводчик: Становление классицистического перевода в России*, Саратов.
- Егунов, А. Н.: 1964, *Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков*, Москва — Ленинград.
- Ермакова-Битнер, Г. В.: 1965, 'Примечания', П. А. Катенин, *Избранные произведения*, Москва — Ленинград, 657—717.
- Жихарев, [С.]: 1816, 'К Филалету', *Сын Отечества*, ч. XXXI, № XXXI, 205—207.
- Измайлов, А.: 1820, ['Примечание Издателя'], *Благонамеренный*, ч. X, № IX, 198.
- Илюшин, А.: 1966, 'Поэтическое наследие П. Катенина: [Рецензия на книгу: П. А. Катенин, Избранные произведения, Москва — Ленинград 1965]', *Вопросы литературы*, № 4, 214—216.
- Илюшин, А. А.: 1986, 'Эпитафия... себе', *Русская речь*, № 4, 146—148.
- Илюшин, А. А.: 1988, *Русское стихосложение*, Москва.
- Катенин, П.: 1822, 'Письмо к Издателю', *Сын Отечества*, ч. LXXVI, № XIV, 303—309.
- Катенин, П. А.: 1830, 'Размышления и разборы', *Литературная газета*, т. I, № 4, 29—31; № 5, 37; № 9, 69—72; № 10, 77—78; № 11, 85—89; № 19, 150—152; № 20, 158—160; № 21, 167—168; № 32, 258—259; № 33, 264—267; т. II, № 40, 28—31; № 41, 36—40; № 42, 43—47; № 43, 52—55; № 44, 61—64; № 50, 110—112; № 51, 117—119; № 67, 250—253; № 68, 259—261; № 69, 268—269; № 70, 274—277; № 71, 283—285; № 72, 290—293.
- Катенин, [П.]: 1836, 'Инвалид Горев: Быль', *Библиотека для чтения*, т. XVII, 3—16 (1-й пагинации).
- Катенин, П. А.: 1911, *Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину: (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX в.)*, Со вступительной статьей и примечаниями А. А. Чебышева, С.-Петербург.
- Кукулевич, А. М.: 1939а, '«Илиада» в переводе Н. И. Гнедича', *Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук*, № 33, вып. 2, 5—70.
- Кукулевич, А. М.: 1939б, 'Русская идиллия Н. И. Гнедича «Рыбаки»', *Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук*, № 46, вып. 3, 284—320.
- Ломоносов, М. В.: 1952, *Полное собрание сочинений*, Москва — Ленинград, т. 7: Труды по филологии, 1739—1758 гг.
- Лосев, А. Ф.: 1960, *Гомер*, Москва.
- Лотман, М. Ю.: 1976, 'Гексаметр: (Общая теория и некоторые аспекты функционирования в новых европейских литературах): Предварительное сообщение. 1', *Ученые записки Тартуского государственного университета*, вып. 396, 31—54.

- Лотман, М. Ю.: 1987, 'Гексаметр в поэтических системах новоевропейских языков: (Предварительное сообщение. II)', *Ученые записки Тартуского государственного университета*, вып. 780, 40—75.
- Лотман, М. Ю., С. А. Шахвердов: 1979, 'Метрика и строфика А. С. Пушкина', *Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов*, Москва, 145—257.
- Масальский, [К.]: 1825, 'Море и земля: (С Греческого, 1820)', *Северные Цветы*, на 1825 год, С.-Петербург, 278—279.
- Масальский, К.: 1831, 'Отрывки из XI песни Одиссея: (С Греческого)', К. Масальский, *Сочинения, переводы и подражания в стихах*, С.-Петербург, 67—72.
- Матяш, С. А.: 1974, *Стих В. А. Жуковского: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Ленинград.
- Матяш, С. А.: 1987, 'Жуковский и русская стиховая культура XVIII — первой половины XIX в.', *Жуковский и русская культура: Сборник научных трудов*, Ленинград, 80—95.
- Медведева, И. Н.: 1956, 'Примечания', Н. И. Гнедич, *Стихотворения*, Ленинград, 789—841.
- Мерзляков, А.: 1826, *Подражания и переводы из Греческих и Латинских стихотворцев*, Москва, ч. II.
- Олин, [В.]: 1815, 'Темора: Отрывок из пятой песни Оссиановой поэмы', *Чтение в Беседе Любителей Руского слова*, чтение 14, 59—66.
- Олин, В.: 1817, 'Каитбат и Морна: (Из Оссиана)', *Сын Отечества*, ч. XXXVIII, № XXIII, 133—137.
- Орлов, В.: 1937, 'Катенин', П. Катенин, *Стихотворения*, [Ленинград], 3—46.
- Орлов, В.: 1954, 'Павел Катенин', П. А. Катенин, *Стихотворения*, Ленинград, 5—68.
- Остолопов, Н.: 1821, *Словарь Древней и Новой поэзии*, С.-Петербург, ч. I.
- Панаев, В.: 1818, 'Ламон: Идиллия', *Сын Отечества*, ч. XLV, № XIII, 19—20 (подпись: В—рь П—въ).
- Панов, С. И.: 1989, 'Ветринский Иродион Яковлевич', *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь*, Москва, т. 1: А — Г, 438.
- Панов, С. И., А. М. Песков: 1992, 'Катенин Павел Александрович', *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь*, Москва, т. 2: Г — К, 503—506.
- Перевощиков, В.: 1815, 'Каллироины источники: (Броннерова Идиллия)', *Российский Музеум*, ч. I, № 1, 14—31.
- Песков, А. М.: 1989, 'Воейков Александр Федорович', *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь*, Москва, т. 1: А — Г, 456—458.
- Петровский: 1821, 'Отрывок из Илиады: Смерть Патрокла: (Вольный перевод)', *Сочинения и переводы студентов Императорского Харьковского Университета, читанные 1821 года Июня 30 числа по окончании экзаменов их*, Харьков, 124—134.

- Покровский, И.: 1820, 'Отрывок из Клейстовой Весны', *Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской Словесности*, ч. IX, кн. II, 176—182.
- Пономарев, С. И.: 1886, 'К изданию Илиады в переводе Гнедича', *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*, т. XXXVIII, № 7, 1—144.
- Попов, Д.: 1814, 'Надгробная песнь Мосха на смерть Биона: (Перевод с Греческого, размером подлинника)', *Сын Отечества*, ч. XVII, № XLIII, 189—195.
- Пушкин, [А. С.]: 1949, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], т. 16: Переписка. 1835—1837.
- Радищев, А. Н.: 1938, *Полное собрание сочинений*, Москва — Ленинград, т. 1.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).
- Розанов, И. Н.: 1923, *Русская лирика*, Москва, т. II: Пушкинская плеяда. Старшее поколение.
- Рубан, В.: 1793, 'П. Виргилия Марона Вуколических сочинений, Эклога I, Называемая Титир', [Перевод В. Рубана], *Новые Ежемесячные Сочинения*, ч. LXXXVIII, Октябрь, 59—65.
- Савостьянов: 1821, 'Клятва Мессии и обет Бога: (Из Мессияды Клопштока)', *Сочинения и переводы студентов Императорского Харьковского Университета, читанные 1821 года Июня 30 числа по окончании экзаменов их*, Харьков, 115—121.
- Сахарный, Н. Л.: 1976, *Гомеровский эпос*, Москва.
- Сомов, О.: 1819, 'Казнь Лаокоона: Из второй песни Виргилиевой Энеиды', [Перевод О. Сомова], *Соревнователь Просвещения и Благодворения*, ч. VII, № IX, 309—311.
- Сперанская, Л.: 1971, 'Система стихотворных размеров П.А. Катенина', *Материалы XXVI научной студенческой конференции [Тартуского государственного университета]: Литературоведение. Лингвистика*, Тарту, 79—81.
- СРЯ — *Словарь русского языка XVIII века*, Ленинград 1988, вып. 4: (Воздух — Выпись).
- Сумароков, А. П.: 1781, *Полное собрание всех сочинений*, Москва, ч. I.
- Теряев, П.: 1820, И. Г. Фосс, Луиза: *Сельское стихотворение, в трех Идиллиях*, Перевод с Немецкого П. Теряева, С.-Петербург.
- Тредиаковский, В.: 1751, Д. Барклай, *Аргенида: Повесть Героическая...*, Перевод В. Тредиаковского, С.-Петербург, т. I—II.
- Тредиаковский, В.: 1752, *Сочинения и переводы как Стихами так и Прозою*, С.-Петербург, т. I—II.
- Тредиаковский, В.: 1760, [Ш.] Роллень, *Древняя История об Египтянах<> об Ассирианах<> о Вавилонянах<> о Мидянах, Персах<> о Македонянах и о Греках*, Перевод В. Тредиаковского, С.-Петербург, т. VI.
- Тредиаковский, В.: 1761/1767, [Ш.] Роллень, *Римская История от создания Рима до битвы Актийския<> то есть по окончание Республики*, Перевод В. Тредиаковского, С.-Петербург, т. I—XVI.

- Уваров, С.: 1813, 'Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре', *Чтение в Беседе Любителей Руского слова*, чтение 13, 56—68.
- Фризман, Л. Г.: 1991, *Русская элегия XVIII—XX века*, Вступительная статья, составление, подготовка текста, примечания и биографический справочник Л.Г. Фризмана, Ленинград.
- Чюриков, В.: 1816, 'Идиллия: Жнецы: (Из Теокрита)', *Труды Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете*, ч. VI, 52—57 (2-й пагинации).
- Шапир, М. И.: 1991, '«Семантический ореол метра»: термин и понятие: (Историко-стиховедческая ретроспекция)', *Литературное обозрение*, № 12, 36—40.
- Шапир, М. И.: 1993, 'Язык быта / языки духовной культуры', *Путь*, № 3, 120—138.
- Шелехов, Д.: 1818, 'Раскаяние: Стихотворной отрывок', *Труды Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете*, ч. XII, 99—127 (подпись: С[отрудникъ] Д. Ш—въ).
- Шелехов, Д.: 1820а, 'Из 2й песни Виргилиевой Энеиды', [Перевод Д.Шелехова], *Труды Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете*, ч. XVIII, 40—61 (2-й пагинации).
- Шелехов, Д.: 1820б, 'Плавание Энея по Средиземному морю: [Из III книги Виргилиевой Энеиды]', [Перевод Д. Шелехова], *Благонамеренный*, ч. XII, № XXIII/XXIV, 319—326.
- Ahrens, E.: 1937, *Gnomen in griechischer Dichtung: (Homer, Hesiod, Aeschylus): Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwurde...*, Würzburg.
- Bassett, S. E.: 1938, *The Poetry of Homer*, Berkeley, Calif.
- Bennett, W.: 1963, *German Verse in Classical Metres*, The Hague.
- Brown, W. E.: 1986, *A History of Russian Literature of the Romantic Period*, Ann Arbor, vol. 1.
- Burgi, R.: 1954, *A History of the Russian Hexameter*, [New Haven].
- Fenik, B.: 1978, 'Stylization and Variety: Four Monologues in the Iliad', *Homer: Tradition and Invention*, Leiden, 68—90.
- Fränkel, H.: 1921, *Die homerischen Gleichnisse*, Göttingen.
- Kabell, A.: 1960, *Metrische Studien*, Uppsala, [Bd.] II: Antiker Form sich nähernd.
- Kažoknieks, M.: 1968, *Studien zur Rezeption der Antike bei Russischen Dichtern zu Beginn des XIX. Jahrhunderts*, München.
- Moulton, C.: 1974, 'Similes in the Iliad', *Hermes*, Bd. 102, H. 3, 381—397.
- Moulton, C.: 1977, *Similes in the Homeric Poems*, Göttingen.
- N. N.: 1820, 'Некоторые замечания на отрывок из пятой песни Илиады, напечатанный в 45 Но Сына Отечества', *Сын Отечества*, ч. LXVI, № LI, 229—237.
- Ronnet, G.: 1963, 'Le sentiment du tragique chez les Grecs', *Revue des Études Grecques*, t. LXXVI, № 361/363, 327—336.
- Schuchard, G. C. L.: 1927, *Studien zur Verskunst des jungen Klopstock*, Stuttgart.
- Tait, M.: 1943, 'The Tragic Philosophy of the Iliad', *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, vol. LXXIV, 49—59.

Wackernagel, W.: 1831, *Geschichte des deutschen Hexameters and Pentameters bis auf Klopstock*, Berlin.

Авоvѣмос: 1820а, 'Лягушка и Вол: Притча', *Благонамеренный*, ч. X, № IX, 197—198.

Авоvѣмос: 1820б, 'Послание к Издателю *Благонамеренного*; Отрывок из Мольеровой Комедии: *Ученые Женщины*; Мадригаллы; Эпиграмма; Эпитафия', *Благонамеренный*, ч. X, № X, 301—307.